Стать победителем

Автор:
Юрий Иванович

Стать победителем

Юрий Иванович

Магия – наше будущееРаб из нашего времени #3

Чтобы вырвать своих подруг из горнила войны с людоедами, Борис Ивлаев вынужден совершить беспримерный рейд через тылы зроаков, уничтожая при этом десятками как самих людоедов, так и кречей, их летающих приспешников. В этом ему помогает бывший мастер циркового искусства Леонид Найденов. Друзьям, взявшим себе новые имена, сопутствует успех, только вся незадача в том, что и разыскиваемые ими землянки долго не задерживаются на одном месте, а геройски сражаются с аспидами рода человеческого. Поэтому отыскать их трудно, но невозможно и отказаться от поисков…

Юрий Иванович

Стать победителем

Глава первая

Ничейные земли

Невзрачная на вид кляча тянула добротную телегу, груженную баулами, тюками, многочисленными рабочими инструментами, неким подобием оружия и различной домашней утварью. Посреди всего этого скарба восседал седой как

лунь старикан, который то ли дремал, то ли медитировал, то ли вообще прощался с жизнью. Настолько древним, практически отжившим свое человеком он выглядел.

Вместе с ним, но уже пешком, ухватясь рукой лишь за высокие борта телеги, двигались еще восемь мужчин. Причем и они выглядели далеко не просто пожилыми: про таких говорят, когда не хотят сильно обидеть, «ну о-о-очень пожилой». Один из них, пожалуй самый бойкий и моложавый по сравнению с другими, придерживал вожжи, управляя клячей, а остальные семеро грустно посматривали по сторонам, выискивая место для удобного и, главное, безопасного привала. Еле обозначенная, заросшая густой травой дорога их однозначно утомила, да и сразу чувствовалось, что престарелая компания несколько заблудилась. Ни конного, ни пешего вокруг не просматривалось. Как и не виднелось ни единого лагеря или бивака с переселенцами. Только торчащие из земли, словно зубья, громадные скалы да малые группки деревьев, в которых и одинокому пешему не спрятаться. Но вот за скалами мог притаиться кто угодно.

Именно скалы внимательнее всего осматривали уставшие старики. Первым заметил опасность сидящий на повозке патриарх. Видимо, все-таки медитировал, потому что иначе заметить атакующих с неба аспидов было невозможно. Патриарх попытался обернуться и указать себе рукой за спину:

– Кречи!

Два козлоподобных сатира на большой скорости планировали вниз, намереваясь напасть с тыла на уставших, да и еще и по старости не могущих себя защитить путешественников. У каждого имелась сумка с камнями, довольно удобными для метания, да и маленькие сабельки, скорее похожие на кинжалы, виднелись на ременных креплениях.

Тяжеленные для них щиты смогли выдернуть из телеги и поднять у себя над головами только трое мужчин, трое взяли копья и встали со спин щитоносцев. И только возница, остановивший клячу и намотавший вожжи на облучок, и еще один старикан схватились за луки. Причем, судя по слитному накладыванию стрел на тетивы, опыт сражений у них имелся, а вот если судить по натяжению той самой тетивы, то хорошо, если дряхлые от старости вояки смогли бы поразить противника на расстоянии в двадцать метров.

Так что, по логике, для уничтожения этой малой группки людей хватило бы и парочки мерзких кречей. Но оказалось, что в засаде сидели еще и четыре тяжеловооруженных зроака. Конные людоеды прятались справа от дороги, за одной из дальних скал, и только ждали сигнала от своих рогатых пособников. И только один из кречей подал сигнал свистком, как четыре всадника вырвались из укрытия и, набирая скорость, помчались к людям. При таком раскладе сил итог стычки казался очевиден. Всем, даже самим стариканам.

Вот тут и вмешалась третья сила. С левой стороны дороги из-за приземистого валуна, где, казалось бы, и пешим спрятаться трудно, вдруг вырвались два всадника, погоняющих своих великолепных скакунов породы керьюги. На всадниках не было рыцарской брони, скорее амуниция легких кавалеристов вольного исполнения. В руках они держали несколько странные устройства, ну а все остальное оружие крепилось за спиной или на конских крупах. И мчались великолепные керьюги так стремительно, что оказались возле телеги со старцами даже чуточку раньше, чем уже начавшие кидать свои камни кречи. Летающие сатиры, заметив более солидную цель для своей атаки, нисколько не испугались. Разве что приняли чуть выше, зависли прямо над телегой метрах в сорока и попытались лучше рассмотреть незваных защитников.

При этом один из них еще и громко прокаркал с явной издевкой:

– А вот и молоденькое мясо пожаловало!

Их хозяева наверняка подумали точно так же, потому что довольным ревом еще более ускорили своих громадных лошадей. Теперь и людоеды, и кречи сосредоточили все свое внимание на всадниках, несколько безрассудно и заранее списав со счетов группу престарелых переселенцев.

Ну а защитники, не домчавшись до дороги метров десять, вдруг резко осадили лошадей, ловко спрыгнули наземь и, вскинув свои устройства вверх, на мгновение словно окаменели. Так как рев со стороны приближающихся зроаков только усилился, никаких щелчков слышно не было, зато оба креча так и рухнули неожиданно вниз, чуть при этом не свалившись прямо на головы щитоносцам.

В следующие мгновения два лихих молодца положили свои устройства на землю и вновь запрыгнули в седла. Но теперь у них в руках уже поблескивало совсем

иное оружие: некое подобие коротких пик, у которых вместо наконечников виднелись узкие кинжальные лезвия. Причем лезвия необычные, словно их там было несколько, наложенных одно на другое. Да и пики слишком уж широкие, неудобные, если не сказать несуразные, больше похожие на какую-то доску, чем на оружие.

Дедули после падения кречей пусть и не единым прыжком, а как им позволили старые кости, но сместились довольно организованно на противоположную от зроаков сторону телеги, приготовив для боя копья и начав стрельбу из луков. Но на них людоеды внимания не обращали, как и на самого седого и дряхлого патриарха, восседающего на груде вещей. Они сместили угол атаки чуть правее и наверняка уже смаковали предстоящую победу. Ну и сама встреча четверки рыцарей и двух кавалеристов произошла прямо на дороге, метрах в пяти от совершенно равнодушной ко всему клячи.

Зроаки выглядели очень умелыми воинами, беря противника в клещи и просто на всякий случай прикрываясь щитами слева. А вдруг какой старикан и пустит стрелу как следует? Но зря они заведомо списанных в расход переселенцев проигнорировали. Особенно того, кто, казалось, находится уже одной ногой в могиле. С ладони патриарха слетело маленькое облачко фиолетового цвета и, набирая скорость, устремилось к зроаку, который мчался на левом фланге своей атаки. Как ни странно, аспид заметил облачко. Уйти от столкновения с ним не получалось, но зато он попытался чуть развернутым щитом отразить непонятную опасность рикошетом. Так, на всякий случай. Да только безобидный на вид туман оказался с сюрпризом: словно не замечая преграды в виде щита, он прошел его насквозь, а потом будто превратился в тяжеленный камень. Грохот и треск проламываемых доспехов заставили и всех остальных повернуть головы в ту сторону. Так что следующий момент все рассмотрели отлично: туша зроака оказалась вырвана из седла и отброшена назад так, словно он на полном скаку напоролся на скалу. О землю ударило, без всякого сомнения, уже мертвое тело незадачливого охотника за человечиной.

Три оставшихся зроака и не подумали осаживать своих коней, понимая, что вначале следует уничтожить кавалеристов, а уже потом отомстить коварным старикашкам. Двое опустили копья, а один поднял вверх свой огромный меч, готовясь к сшибке.

Да только сшибки никакой не получилось. Оба кавалериста лихо приняли резко влево, а с их странных пик лезвия словно продолжили лететь в прежнем

направлении по инерции. Один людоед сразу обвис тряпкой в своем высоком, рыцарском седле, а второй свалился вниз с немалым грохотом. Пожалуй, только тогда единственный оставшийся в живых людоед успел понять, что песенка его спета и он со своими подельниками не на тех нарвался. Пригнувшись к гриве своего коня, отбросив копье в сторону, он попытался взять как можно левее, намереваясь уйти на скорости от места гибели своих подельников.

Но еще два мелькнувших ему в бок и спину лезвия оборвали бессмысленную скачку. Из-за тяжеленного, наклонившегося в сторону всадника конь потерял равновесие, оступился в небольшой ямке и кувыркнулся в падении, окончательно ломая своей массой зроаку шею.

Кавалеристы не стали сразу праздновать победу. Внимательно осматриваясь по сторонам, спешно вернулись к оставленным на земле устройствам, спрятали их в чехлы и подвесили к переметным сумам. Затем проверили, не остался ли из врагов кто живым, собрали трех рыцарских коней в кучу, явно погоревали над четвертым, которого пришлось добить тут же, и только потом приблизились к повозке с переселенцами. Давая себя как следует рассмотреть и начиная разговор.

– Спасибо за помощь, почтенные! – приятным басом воскликнул самый крупный из них. – Чем это вы того аспида так здорово поломали?

Его более стройный товарищ помалкивал, хотя даже маска телесного цвета на лице не могла скрыть довольной улыбки.

Несмотря на свою крайнюю дряхлость, патриарх не только нашел в себе силы стереть пот со лба, но и ответить этаким колоритным тенором:

– Это вам ребятки спасибо! Хотя наши жизни уже и серебрушки не стоят, но, глядя на вашу лихость и удаль, мне легче дышать стало. А то показалось, что после мягуна сразу помру от слабости.

– Так вы его мягуном угостили? Здорово! – радовался массивный парень, с детской непосредственностью встряхивая копной курчавых волос, которые спадали на плечи чуть ли не до лопаток. Причем показал себя еще и знатоком вышеупомянутого вида оружия: – Но ведь мягун розового цвета и раз в пять больше?! К тому же только трехщитные могут его запускать. Правильно?

– Да… Кхе-кхе. Только у меня от старости фиолетовый получается, концентрированный, так сказать, потому и маленький, – пояснил старикан с неким подобием улыбки на морщинистом лице. – Ну а трехщитным я был уже давно, сейчас у меня только одна осьмушка прежних сил осталась.

Не удержался от комментария и всадник в маске:

– Ха! Мне бы такую осьмушку!..

Патриарх не пожадничал на похвалу:

– Вы и так, ребятки, герои. Чувствую, только зря все свои силенки истратил, и без меня бы играючи справились с этими отродьями. Кстати, вы сами со сборкой трофеев управитесь или братья вам помогут?

Сразу стало понятно, что тут путешествует некое братство, поклоняющееся одному из божественных шуйвов. Но, еще раз взглянув на жалкую клячу, опирающуюся на дышло, кудрявый кавалерист хохотнул:

– Да вы со своими трофеями вначале разберитесь. Снимайте со своего людоеда все ценное и коня его для лучшей доли впрягайте в повозку. Мясо павшего коня тоже грузите в повозку. Ну а мы быстренько все остальное соберем.

– А потом куда? – не удержался от вопроса один из братьев.

– Проводим вас к большому лагерю переселенцев, тут недалеко, сразу за небольшим перевалом. Там и вещи наши под присмотром, и пристяжные лошадки.

– А тут чего делали?

– Да вот этот самый отряд людоедский подкарауливали. Они как большое количество воинов увидят, так сразу в горы уходят, а как маленькую группку, от обоза отбившуюся, заметят или заблудится кто, так и нападают. Сволочи!..

Пока его массивный товарищ со злости сплевывал, укрытый маской кавалерист пояснил:

– Вот мы и устроили здесь засаду. Как видите, не прогадали. Самое удобное место: там выемка за валуном, мы в ней и лежали с ночи под нарубленными ветками кустарника, пока свист не раздался.

Больше кавалеристы о себе ничего не рассказали, а принялись проворно и деловито собирать трофеи и грузить их на пару трофейных рыцарских коней. При этом они и конину с погибшего коня помогли братьям с одного «э-эх!» забросить в повозку. Несколько удивили, когда стали интенсивно рубать вонючих кречи и что-то там на их телах выискивать. Но в итоге взяли лишь прочные кожаные сумки из-под камней, которые считались не столь нужной вещью в обиходе, как верным, почетным знаком ликвидатора крылатой нечисти.

Не стали мешкать и братья, общими усилиями обобрав доставшегося им людоеда от доспехов, оружия и запрягая его мощного коня на место их прежней жалкой клячи. Кстати, ее впрягать рядом посчитали издевательством, а просто привязали уздой к тыльному нарожью повозки. После чего все восемь мужчин уселись на телегу, потеснив несколько своего престарелого патриарха. Рыцарский конь еще и не такие повозки тянуть может!

Разве что, когда увеличившийся отряд двинулся к перевалу, наблюдать за еле-еле поспевающей сзади лошаденкой было смешно и жалко. Давненько она так резво не бегала.

Глава вторая

Отступления от дня насущного

Словно кино смотрю, но сам себя в главной роли чувствую.

Причем отрывок фильма слишком уж странный, ни начала, ни концовки. Но зато какой захватывающий.

Вокруг почему-то все в пуху, а моя подруга совершенно голая.

И вроде как это я смотрю на нее и шумно, с явной угрозой вздыхаю. Затем, критически осмотрев Машку, от растрепанной прически на голове до розовых пальчиков на ногах, перехожу к традиционной для моего чувства юмора классификации:

– Землянка стервозная разбалованная капризная одичавшая…

– А в грызло давно не получал? – угрожающе сузила она глаза.

– А достанешь? – Ну да, кончилась ваша власть, о воистину мелкое величество!

– Если на руки возьмешь – то запросто!

– М-да? Ну ладно, прыгай!

А что с ней еще делать?

Она с радостным визгом тут же оказалась у меня на руках, обняла за шею, чмокнула в губы и принялась командовать:

– В грызло получишь чуть позже! И что-нибудь другое менее твердое, чем мой кулак или пятка. А сейчас неси меня в бассейн! Быстренько, быстренько, пока я окончательно не разозлилась.

Вот в этот момент я и проснулся. Непроизвольно облизался, все еще чувствуя на губах сочный, пусть и шаловливый, поцелуй, а руки так и остались слегка напряжены, словно продолжали держать и обнимать женское тело.

Так и не открывая глаз, я приложил титанические усилия, чтобы заснуть опять и просмотреть сон дальше. А затем, чувствуя бесполезность повторного засыпания, дико возжелал вспомнить начало сна. Образы стали приближаться, скрываемые летающим пухом и озвученные басовитым мужским голосом. Кто-то что-то спросил, перед тем как я подхватил Машку, а вернее, еще чуть раньше.

Да только припомнить начало сна так и не удалось. Чей-то иной голос над самым ухом спросил с невероятным ехидством:

– Ты чего это мычишь и облизываешься? Даже во сне на жор пробивает?

Неуловимые образы стали истончаться, таять, и я с раздражением открыл глаза. Но тут же, с непроизвольным вздрагиванием всего тела, закрыл их вновь! На меня с расстояния в метр таращилось жуткое, обезображенное шрамами лицо!

Понятно, что уже в следующее мгновение я вспомнил, кто это, где я, кто я и что творится вокруг нас. Но от осознания действительности и понимания, что сон ни продлить, ни вспомнить не удастся, я зарычал с досады, словно зверь:

– У-у-у! Ленька, ты бессердечная рептилия! Такой сон прервал! О-о-о-о!

Мой друг насмешливо фыркнул.

– Сам просил разбудить! Тем более что мы купаться намеревались. – Но своего интереса к моему сну скрыть не смог. – И что такое вкусненькое снится геройскому барону Цезарю Резкому? Мало тебе было вчера целого сома жареного?

– Ты чего?! – Я резко уселся на расстеленном плаще, оглядываясь по сторонам. – Договорились ведь.

– Спокойно, все под контролем, – заулыбался мой товарищ. – Все наши соседи вон в центре лагеря собрались. С перевала дозорный прискакал, кто-то к нам еще из переселенцев поднимается. Так что свежие новости ожидаются.

Вокруг нас и в самом деле никого не было, так что мои опасения раскрыться всему миру оказались напрасными. Тем не менее я буркнул с недовольством:

– Все равно лучше к новым именам привыкать. Не ровен час ляпнешь при посторонних.

Наши славные имена уже и в этих диких краях были известны. И пожалуй, только младенцы или глухонемые не умели произнести с пафосом и гордостью

имена баронов Цезаря Резкого и Льва Копперфилда и рассказать кучу легенд о том, как мы лично порешили императора людоедов, под тысячу премерзких кречей и неисчислимое множество самих зроаков. Причем численность убиенных нами аспидов рода человеческого возрастала не по дням, а по часам. Еще сегодня утром мы слышали о пяти тысячах зроаков, а перед тем как вздремнуть после обеда, эти цифры удвоились.

Стало и до абсурда доходить. Например, во время обеда один из местных проводников, кстати довольно знаменитый и уважаемый охотник, с блестящими от восторга глазами утверждал, что бароны не просто убили, а собственными руками удавили императора зроаков. А потом и голову открутили да на кол где-то там насадили. И никто ему в ответ даже фыркнуть презрительно не посмел.

Причем наш рост (и мой, и Ленин!) уже давно варьировался в рассказах от двухсот десяти до двухсот пятнадцати сантиметров.

Так что моя идея сменить имена была и Леней признана очень правильной и своевременной. Давно признана, еще в тот момент, когда мы сошли с борта баркаса, доставившего нас по Жураве к началу тракта, ведущего строго на север, прямо к западной оконечности Скалы. Именно там мы покупали лошадей и провиант на дорогу и именно там впервые наслушались баек о наших немыслимых подвигах. Так что уже тогда назваться нашими настоящими именами было бы полным маразмом.

Понятно, что не имеются в виду наши изначальные имена, под которыми мы до сих пор числимся на Земле в паспортных столах милиции, в регистратурах поликлиник или в гроссбухах налоговых инспекций. Граждане России Борис Ивлаев и Леонид Найденов, а вернее, их паспорта и прочие документы с идентификационными номерами остались в иной вселенной, вдали от этих мест. Фактически с первого дня перемещения сюда мы решили прикинуться баронами, придумали себе забавные имена, и те, как ни странно, словно к нам приклеились, принося удачу, славу и всемирную известность. Фортуна нас взяла под свое крылышко, сразу одарив таким уловом, как тирпиень, мясо которого оказалось панацеей от всех болезней. Благодаря этому улову мы смогли втереться в доверие воинам царства Трилистье, а впоследствии и помочь им с обороной форта. Дальше мы не просто чудом выжили в начавшейся войне людей со зроаками, но и сумели случайно подстрелить из арбалета главного злыдня людоедской империи Гадуни. Дальше мы несколько позорно бежали от превосходящих сил противника, да так бежали, что быстро добрались до самого

Рушатрона, столицы Моррейди. По пути выяснилось, что я стал обладателем первого щита, который все-таки выжил в моем желудке после насильственного награждения оным товарищами по плену. Так что я стремительно начал выздоравливать, лишаясь своего увечья. Полученная в детстве травма позвоночника ликвидировалась, я стал расти с бешеной скоростью, превращаясь в нормального парня.

Правда, при этом тоже попал в легенды как самый прожорливый путешественник, плававший на судах по реке Лияне.

И хотя с момента нашего прибытия в этот мир не прошло еще и месяца, нам казалось, что пролетело десятилетие, не меньше. Настолько насыщенная приключениями оказалась наша жизнь в империи Моррейди.

Увы, обследовать свое тело у иных магов Сияющего кургана, которые имели по три щита, я не успел. Обстоятельства и жестокие запреты уникального межмирского портала вынудили меня и моего друга спешно покинуть столицу. Ну а чтобы даром не мотаться по белу свету, мы поспешили вслед за моими подругами, которые сдуру отправились воевать со зроаками на границе царства Леснавское и всеми проклятой Гадуни. Трио девушек, желая отомстить за мою смерть в лапах людоедов и кречи, завербовалось наемницами в полк «Южная сталь». По последним данным, полк двинулся в самый центр Ничейных земель, в сторону Борнавских долин и закрепился где-то у крепостей Грохва и Ледь. Вот мы и пытались догнать взбалмошных девиц не только по причине нашего единого происхождения с Земли, а еще и потому, что мне они с детства были самыми близкими и верными подругами. Я просто обязан был встретиться с ними как можно быстрее, спасти их, вырвать из этой войны, спрятать в безопасном месте… Да и не только спрятать.

Ну и сны еще эти, где я Машку не только на руках ношу…

Последние дни нашего пути тоже изобиловали приключениями, но мы уже в них фигурировали совершенно под иными именами и титулами. Так, например, вчера я вытащил из речного омута огромнейшего сома. Вроде как полная глупость, устроенная на спор, но резонанс получился в нашем лагере и окрестностях о-го-го какой! А позавчера мы умудрились спасти из лап людоедов и их зловонных прислужников кречей группу леснавских переселенцев-монахов во главе с очень древним патриархом, обладателем трех щитов и настоятелем какого-то там недавно сгоревшего монастыря. Сом помог мне не умереть с голоду, а патриарх

одарил нас несколькими весьма ценными, и главное, полезными подарками. Но именно по этим двум событиям наши новые имена тоже стали известны многим людям, которые сейчас в огромных количествах скопились в западных частях Ничейных земель. Все они спешили попасть в свои баронства или добраться до своих ленных наделов, расположенных чуть дальше, а то и достаточно далеко на востоке. Вот только начавшаяся крупномасштабная война со зроаками застопорила их продвижение. Даже нам оказалось бесполезно прорываться сквозь образовавшуюся, можно сказать, самую настоящую линию фронта. Противостоящая сборным армиям людей армия людоедов умудрилась выкопать рвы, возвести валы, утыкать их кольями да вдобавок все подступы уставить ежами из обожженных кольев. И это на самых опасных для прорыва кавалерии направлениях. В одиночку или парой можно было прорваться по лесам, но мы еще только собирались в подобный рейд, искали проводников.

Ну а в дальние рейды, в наши тылы, уходили сотни групп людоедов, наподобие тех, которую нам и удалось позавчера лихо уничтожить.

Но хуже всего, что в данный момент движение новых волн переселенцев застопорилось наглухо. Что больше всего расстраивало самих переселенцев.

Ведь когда-то давно, еще до пришествия и образования империи зроаков, Ничейные земли принадлежали царству Леснавское, и сейчас царь решил оживить эти вымершие города и веси, одарив баронством чуть ли не каждого из первой волны, а тем, кто во второй, достались шикарные ленные наделы. Вот народ и двинулся на свободные земли, думая, что своей массой сумеет оттеснить как любые орды зроаков, так и защититься от летающей нечисти в виде кречей.

Немалым стимулом оказалось и нашумевшее известие, что император людоедов убит. Как правило, после такого события или просто банальной смерти правителя в Гадуни объявляли траур на два месяца. За время оное зроаки и кречи в набеги не ходили, заодно решая в своей среде, кто займет императорский престол. Воевать при этом они между собой никогда не воевали, но серия неожиданных смертей, отравлений и несчастных случаев окутывали Лурдун, столицу Гадуни, и несколько крупных городов. Дележ власти всегда сопровождался чувствительным уроном среди знати, дворянства и высшего воинского контингента зроаков. Так что раздача земель в царстве людей произошла в самый верный и правильный момент.

Да только события в империи людоедов пошли совсем по иному, нетрадиционному сценарию. Подробностей никто не знал, и даже пытаемые в последние дни пленные ничего толком о событиях в столице не знали. Как конкретно удалось прийти к власти чуть ли не самому младшему принцу Фаришу Галэку, можно было догадываться, хотя со временем и это станет известно. Но самое неожиданное, что почти все без исключения войска людоедов были двинуты к границам империи. Фариш Галэк знал о грядущих атаках со стороны людей по всему пограничью и в Ничейных землях, поэтому не только отправил войска, а провел еще и полную мобилизацию и сейчас спешно тренировал и готовил к сражениям новую армию. Кажется, его власть признали все зроаки сразу и безоговорочно, коль, невзирая на траур, взялись за оружие и отправились воевать. Мало того, пронесся слух, что новый император призвал в свою армию и единственных союзников из числа людей. Находящееся на севере княжество Мак-Тайланов, окруженное со всех сторон империей, являлось удивительным анклавом, на который нога людоеда никогда не ступала по каким-то особым союзническим договорам. Но взамен этого рыцари Мак-Тайланов иногда участвовали в больших войнах на стороне зроаков. Кстати, этих хмурых, гордящихся своими лысинами северян за это подобное предательство ненавидели еще больше, и если те попадали в плен, то смерти предавали их ужасной и мученической. Хотя и бытовало в народе мнение, что северяне просто вынуждены идти воевать под знаменами Гадуни из-за оставленных в заложниках семей.

Мобилизация, союзники, полное единение и бескровное восшествие на престол Фариша Галэка, быстро выдвинутые войска к границам – именно по совокупности всех этих причин сама идея с заселением Ничейных земель могла потерпеть крах.

Попытки очистить эти земли предпринимались уже не раз за последние триста лет, но, увы, каждый раз безрезультатно. Причем и сами людоеды здесь не селились постоянно, что вводило многих мудрецов, теоретиков и мыслителей в недоумение. Догадок высказывалось много, в том числе и верных, но, как оказалось, никто точно до сих пор причины такого незаселения не знал.

Повезло с этим только мне. Да и то лишь благодаря моему пренебрежительному, где-то даже меркантильному отношению к Сияющему кургану. Наведавшись туда перед самым побегом из Рушатрона, мне удалось поговорить с Лобным камнем Пантеона и выпытать у него несколько интересных сведений. Так, он мне поведал, что зроаки не могут жить постоянно на Ничейных землях по

причине жутких снов. Якобы им снится, что сами людоеды становятся детьми и их пожирают некие гаузы.

Кто такие гаузы – информацию мне Лобный камень не предоставил, да и никто из людей этого не знал. По крайней мере, мне по пути сюда так и не удалось от кого-то выведать или где-то вычитать, где такие страшные звери существуют в природе и что собой представляют. Скорее всего, гаузы – нечто связанное с богами или с верованиями самих зроаков. Хотя бытовало мнение, что богов у аспидов нет и они ни во что не верят.

Некоторые пленные о своих кошмарах во сне рассказывали, но люди этому не верили. Зато знали четко: слишком долго людоеды в Ничейных землях быть не могли, а в соседних царствах вообще бывали в набегах не больше чем две, максимум четыре рудни. Так в здешнем мире назывались недели, состоящие из пяти дней. То есть по большому счету получалось так: отдали куски земли, пусть и огромные, выставили в пограничье воинские силы и полки наемников – и жить можно более или менее спокойно. Потому что на саму территорию империи Гадуни за все времена даже объединенным войскам всех царств и империй прорваться не удавалось. По некоторым научным и магическим теориям, можно сказать доказанным на практике, получалось, что любой зроак в случае нападения врага на Гадуни становился втрое, а то и впятеро сильней. Вот по этой причине безлюдные Ничейные земли и казались наименьшим злом. Хотя, понятное дело, каждый человек мечтал о том, чтобы стереть людоедскую империю с лица земли вместе с ее обитателями. А еще большую ненависть вызывали летающие зловонные сатиры, называемые в этом мире кречами. Самые подлые, наиболее мерзкие создания, похитители детей и сборщики трупов.

Ну а я лично, как побывавший в той империи пленник и чуть не угодивший на стол зроаков в виде блюда, не просто мечтал об уничтожении Гадуни, а прикладывал к этому все свои скромные таланты и возрастающие умения. А в последнее время мне в этом невероятно помогал и мой новый товарищ, Леонид.

Кстати, чтобы самому не забыть и не проговориться нечаянно, приходилось и в наших внутренних разговорах стараться употреблять только новые имена. С момента нашей высадки с баркаса всемирно известный Лев Копперфилд превратился из барона в помощника оружейника со звучным именем (для землян, конечно) Чарли Эдисон. Правда, он тогда очень настаивал на полном варианте – Чарли Чаплин, но я был неумолим. Не хватало мне при каждом

представлении своего помощника валиться с ног от хохота!

Как логичное продолжение нашего спора, мне в ответ пришлось очень настаивать и бороться за имя собственное, коих новоиспеченный Чарли Эдисон отверг с десяток только одним заразительным смехом. Хотя что может быть смешного в славных именах Робин Гуда, Гарри Поттера, Джеймса Бонда или Капитана Немо, я так и не понял. Не воспринимал я смех и когда пошло обсуждение таких имен, как Лев Толстой, Шерлок Холмс и Геракл, сын Зевса. Над именами Рокфеллер, Морган и Мерседес мы посмеялись вместе. Предложенные мне имена Энштейн, Ньютон и Билл Гейтс я отверг сразу. Но зато в конце продержался стоически от всех нападок, когда мне взбрело в голову имя Михаил Македонский.

Не отвратило меня от выбора и восклицание моего друга, когда он, перед тем как упасть в судорогах от смеха, успел прошептать:

– Уж лучше бы Джон Суворов!

Так что отныне я представлялся всем и каждому как обладатель первого щита, техник-оружейник Михаил Македонский.

Ну а чтобы окончательно запутать наши следы, прячась от разведки и контрразведки империи Моррейди, мы выдали себя за уроженцев южного царства Паймон. Но сделали это не потому, что туда уплыла оплакивать мою смерть очаровательная подружка Мансана, а потому что все пять, а если уж быть точным, все шесть дней плавания на баркасе мы внимательно вслушивались в рассказы нашего бравого перевозчика. Он как раз сам был родом из того царства, а благодаря нашим наводящим вопросам поведал так красочно и действенно о своей родине, словно мы сами там бывали, а то и выросли. Так что при расставании и сами могли с ним общаться, словно закадычные земляки. Ко всему прочему, выходцы из царства Паймон редко когда оседали в центре континента, а уж севернее про этих южан знали так же мало, как на западе континента про Пимонские горы.

В итоге легенды у нас получились красочные, вполне себе правдивые и соответствующие нашему нынешнему, как бы, роду занятий. Мы стали оружейниками. А как еще иначе можно было объяснить и легализировать наши умения и наше диковинное для всех остальных оружие? Правильно: только

выставив это оружие напоказ.

Глава третья

Плохие новости

Перед тем как вздремнуть в сиесту, я и в самом деле предупредил друга о своей побудке в случае любых новостей. Уж очень мне не сиделось в этой небольшой долине, затерянной на западе Ничейных земель среди сотен ей подобных. Хотелось как можно быстрее прорваться на восток с каким-нибудь воинским отрядом или на крайний случай отыскать верных проводников, которые знали не только прямой путь к Борнавским долинам или к крепости Грохва, но и могли при нужде даже в ночное время провести по окружной дороге.

Вот он меня и разбудил, прервав такой сладкий сон.

Другой вопрос, что утраченного не вернешь, ну и пока подтянутся от перевала переселенцы, следовало обиходить наше разросшееся хозяйство. Ведь помимо красавцев керьюги да пары пристяжных уже два дня от нас требовали ухода, кормежки и банальной охраны два трофейных рыцарских тяжеловоза. И хотя мы их могли легко и выгодно продать, пока не спешили с подобной торговлей. Имелось несколько мыслишек по поводу их более полезного применения.

– Ты идешь? – поторапливал меня новоиспеченный Чарли Эдисон. – Или полдничать собрался?

Мы уже и руки ополоснули после хозяйственных работ, но я не мог пройти спокойно возле наших продовольственных припасов и не ухватить хоть что-нибудь пожевать. Неуемный жор, который преследовал меня последние двадцать дней, начал спадать, но все равно я мог потерять сознание только от одной мысли, что мы вдруг хотя бы на срок в полдня окажемся без еды. Именно поэтому и случались частенько со мной безрассудства, о которых иные переселенцы слагали легенды.

Но уж от друга мне скрываться не приходилось, он давно привык к моим излишествам в плане еды.

– А тебе и жалко маленькому кусочек мяса?

– Ни вигвам себе маленький! – посмеивался друг, поправляя на лице у себя маску, скрывающую его жуткие, клоунские шрамы. – На голову выше меня вымахал, а все жрет да жрет. Когда ты уже наешься?

– Детство было слишком тяжкое, – вздохнул я, накладывая на внушительную лепешку огромный кусок мяса и не менее громадный кусок сыра. – Теперь вот приходится наверстывать все, что тогда по болезни не доел.

– Как по мне, то ты, наверное, за всех больных детей своего города теперь наворачиваешь. Скоро тебя и рыцарские кони на себе не увезут. Только бы глянул на свое тело со стороны. Про харю я вообще не вспоминаю, страшней, чем моя в шрамах.

– А вот лица моего прошу не касаться! – пафосно ответил я с набитым ртом. – Нашел с чем сравнивать, красавчег!

Хотел еще что-нибудь колкое в ответ добавить, но чуть не подавился и сообразил, что на ходу, да слегка закусывая притом, лучше помолчать. Мы ведь уже двигались к центру лагеря, на небольшую площадку, куда подъезжало сразу восемь внушительных повозок. Повозки, да и по паре коней, в них впряженных, выглядели настолько солидно, что сразу возникала уверенность: движется крепкая, большая семья, способная и от парочки разбойных диверсионных групп людоедов отбиться. Пожалуй, только кречи, с большой высоты бросая камни и горящие угли, могли бы нанести урон такому мощному отряду.

Помимо нас послушать новости спешили почти все собравшиеся здесь путники. Даже монахи, поддерживая своего патриарха под локотки, ковыляли вполне бодренько.

О том, кто такие собрались в данном лагере, что здесь делаем и почему застряли, прибывшие уже знали. Потому как на облучках сидели младшие отроки из семей, которые и были в основном задействованы в работе

посыльными между лагерем и перевалом. Хотя и перевалом то место назвать можно было лишь с натяжкой. Две гряды скал, в самом узком месте имеющие крутой скальный перекат, да прямо по центру этого переката каменная башня, в которой на ночь запирались очередные добровольцы. Сравнительная целостность башни вызывала немалое удивление у всех, но, видимо, за сотни лет зроаки и не подумали ее разрушить до основания. Сами ведь тут не проживали.

Раз информация о нас была, то от приезжих, как только обоз остановился, сразу с большой и пространной речью выступил их глава рода. Довольно крепкий, имеющий добротную кольчугу и дивный по украшениям шлем мужчина влез на стоящий в центре площадки валун и, пока его родственники устраивали повозки и распрягали коней для отдыха, постарался высветить все, что ему известно. Понятное дело, что начал с представления своего внушительного семейства:

– Захаром меня кличут. Леснавские мы, род Каменских и Скорняжих. Успели самыми первыми из ремесленников у царя батюшки Ивиана Холмского себе баронскую грамоту справить. Причем земли нам выдали одни из самых плодородных, если судить по древним легендам, в одной из Борнавских долин. Еще и порадовались, когда узнали, что баронами по соседству у нас все военные будут, почитай поголовно наемники из полка «Южная сталь». Слышали о таком?

Еще бы! Я не только слышал, но и стремился этот полк немедленно разыскать и забрать оттуда как можно скорее своих подружек. Но полный рот мяса и сыра не позволил мне сразу задать рвущиеся вопросы. Зато вместо меня и почти по сути это сделал выборный атаман нашего лагеря, который тоже мог себя считать бароном. Только его земли располагались от Борнавских долин намного южнее. Но интерес у него имелся огромный.

– Как же так?! Они ведь наемники и находятся на службе у империи Моррейди. Получается, что они, польстившись на баронские титулы, дезертировали со службы?

Захар ухмыльнулся и погладил свою аккуратную, ровную бороду:

– Так ведь наемники для того и собраны поморянами, чтобы аспидов как можно больше изводить да на людские веси не пускать. И где они больше людоедов изведут, как не возле самой границы Гадуни? Ну и как нам баяли писари

царские, любой воин еще боле сражаться будет, коли землю свою защищает. А значит, никакого дезертирства нет, наоборот, мощная воинская сила в единении любого врага перемелет.

– И что, перемололи? – выкрикнул кто-то из толпы.

Захар враз перестал улыбаться и плечи его несколько поникли:

– Да там такая война идет!.. Мы сами почитай и до Грохвы половину дневного перехода не добрались, как возвращаться пришлось. Если бы чуть раньше собраться удалось, а так… Зроаки словно обезумели, так им хочется людей из крепостей выбить да возведенные укрепления порушить. Понимают отродья, что если там как следует стены восстановят да поднимут еще выше, то уже никаким штурмом их не взять. Тем более что полк «Южная сталь» самый лучший почитай из всех трех, что в Ничейные земли подались.

– Через фронт как прорвались? – удивлялся атаман. – Там же такое творится!

– С трудом! И лишь по той причине, что зроаки никак не ожидали прорыва у себя с тыла, они все сюда посматривали и заслоны сюда выставляли. А нас много собралось да плюс батальон леснавских кавалеристов, командир которых получил приказ отойти в эти места. Ну, мы ночью и вырвались. После чего большинство, а также батальон южнее подались, а мы решили здесь переждать.

Мы слушали с Леней очень внимательно и пока лишь кивали, помалкивая. Понятное дело, хоть и хочется из простых ремесленников сразу в бароны податься, да только и здравый рассудок у Каменских да Скорняжих имеется. Между двух фронтов находиться только глупец возжелает. Но и домой возвращаться в царство Леснавское не резон, грамоты баронской враз лишат. Так что вполне правильно семейство решило: назад прорвались, а вот дальше и выждать можно в спокойном месте. Авось еще какие войска подтянутся да и погонят аспида подлого с его кречами мерзкими из земель благословенных да плодородных.

Захар еще долго не умолкал, выкладывая людям все, что слышал, все, что ведал, и даже свои некоторые размышления на тему сложившейся ситуации. Но я наконец-то доел свой скромный бутерброд и тоже полез с вопросами:

– Понятное дело, что большим караваном прорваться в Борнавские долины нельзя, а вот если два всадника? Да с пристяжными?

Кто меня уже знал, между собой зашушукались. А вот глава только что прибывшего рода чуть ли не рассмеялся:

– Экий ты добрый молодец! Небось, ни зроака в глаза не видел, ни креча кошмарного не нюхал. А потому сразу тебе скажу: туда молодым соваться нечего!

– Да ладно! Я ведь о молодых и не спрашивал! – фыркнул я, нисколько не обидевшись и перекрывая недовольный ропот толпы своим басом. – Я тебя спрашиваю по поводу воинов опытных, умелых, проворных да вдобавок еще и щитом обладающих.

Теперь Захар почесал озадаченно макушку, прежде чем ответить:

– Ну, если опытные, да умелые, да еще и отчаянные, то пройти могут. Там ведь вокруг Грохвы тропок по горам бесчисленное множество. Большой отряд не пройдет, а если один всадник или пара, то могут и проскочить.

– А тропки тебе известны? – Кровь во мне так и заиграла. – Или какие карты имеешь?

– Да есть и карта, хотя не настолько подробная, – признался Захар, выискивая кого-то в снующей толпе своих родственников. – Зато у нас проводник имеется, вот тот, наш дед Мирослав. В молодости он на границе служил да два раза до Грохвы доходил в рейдах дальних. Так что пару тропок вроде как знает. А кто тут такой опытный и умелый есть, что настолько шкурой своей рискнуть желает?

Последний его вопрос я проигнорировал полностью, а сразу, стараясь не потерять из виду обозначенного дедулю, зашагал в его сторону. Уж очень давно я мечтал встретить хоть одного человека, который бывал в Борнавских долинах или возле Грохвы. Потому что двигаться наобум, даже при нашей с Леней самонадеянности, было бы непростительным идиотизмом. Но, как назло, мне до сих пор ни проводников не попадалось, ни карты мало-мальски пригодной.

И уже отходя, кивнув Лене, чтобы он остался и послушал дальше, только краем уха уловил, с каким жаром и восторгом выборный атаман лагеря принялся восхвалять геройство и непобедимость нашей боевой связки.

Мирослав Каменских оказался не столько дедом, сколько пожилым мужиком с такой мощной фигурой, что, похоже, одним ударом мог и главу рода своего свалить с ног. Разве что личико у него подкачало, и пугал он своими шрамами не хуже, чем мой товарищ, когда снимал маску.

Но меня-то такими вещами не испугаешь. Сам, можно сказать, только-только из инвалидного кресла выкарабкиваться начал.

– Здорово, дед Мирослав! Рад видеть тебя в полном здравии!

– Э-э-э… – Кажется, мой собеседник еще и знал, как искривить свое лицо, чтобы оно стало страшней раз в пять. – Кто такой?

– Не надо так пугаться, – продолжил я самым приветливым тоном и с самой обаятельной улыбкой, которую в последнее время частенько отрабатывал перед маленьким зеркальцем. – На зроака я не похож, на кречи тем более. Да и зовут меня довольно привычно: Михаил Македонский.

От пафоса в конце представления удержаться не удалось, так что дедуля саркастически хмыкнул:

– Никак тоже из баронов?

– Нет, я человек простой, всего лишь обладатель первого щита, техник-оружейник.

– О-о-о! – протянул ветеран с явным уважением. – Так бы сразу и сказал. А то – Ма-ке-дон-ский!..

Здесь он меня явно передразнивал, но я и сам с охотой хохотнул на такое кривляние:

– Не имена нас славят, а дела! Поэтому сразу перехожу к конкретике: у нас срочное дело в Борнавских долинах, но вот как попасть туда – понятия не имеем. Ни карт, ни проводника. Так что вся надежда на тебя, уважаемый. Подскажи, как вокруг осады Грохвы пробраться через горы.

Кажется, мой собеседник не поверил моей браваде. Потому что осмотрел меня с явным скепсисом, а потом еще и головой помотал отрицательно:

– Хоть ты и выглядишь ладно-сбито, но там тебе и щит твой не поможет. Пройти конному по дорогам или тропкам в обход Грохвы нельзя.

– Совсем-совсем?

– Совсем. Пропасти там тропы перекрывают. Только и можно, что навесной мост соорудить или пешему по веревке перебраться. Да и то надо с двух сторон ту веревку крепить да ползуна по ней подстраховывать.

Ну как было не огорчиться от таких перспектив. Пробираться в долины пешком означало где-то в глубине гор бросить наших красавцев керьюги на произвол судьбы. Другой вариант, если, допустим, с лошадками останется Леонид, а я бегом смотаюсь в долины за подругами, тоже не подходил сразу по нескольким причинам. Первая – по долинам пешком слишком не набегаешься, вторая – а вдруг моих девчонок там давно нет? Получили мои послания почтой да и помчались обратно в Рушатрон? Третья – зная их строптивый характер, можно было догадаться, что если они уже забрались в такое опасное место, то ни за что не откажутся стать баронессами. Уж я-то их лучше всех знаю. Четвертое – вдруг они в любом случае не захотят со мной иметь каких-либо дел? Ведь я раньше был мал, крив и весьма нуждался в опеке боевых амазонок, а с теперешним моим пристойным видом они могут меня попросту начать сторониться. Ну и пятая причина – не хотелось настолько рисковать товарищем, оставляя его одного в горах неизвестно на какое время.

Вот если бы с нами еще кто был.

– Дед Мирослав, а ты не хочешь с нами туда смотаться, тропы показать да солидную премию заработать? – предложил я ветерану, но, видя, как он начал кривиться при слове «премия», поспешно добавил: – Заодно и земли бы своего рода проверил да пару грядок вскопал. А?

Собеседник мой не удержался и помотал головой от такого напора:

– Экий ты шустрый, малой! – (Но это я раньше на «малого» обижался и пресекал такие прозвища, а сейчас только радостно ухмыльнулся.) – И чего радуешься? Думаешь, как со щитом, так тебе везде дорога сама скатертью стелиться будет? Там зроаков как саранчи поналезло, и уж какие воины там славные пали только во время нашего прорыва. Да и между фронтами мы несколько остатков обозов видели, да кости человеческие вокруг них разбросаны не для запугивания нашего. Там жестокая война идет, сынок, геройствовать не стоит понапрасну. Вот скажи мне, к примеру, зачем ты так в Грохву попасть хочешь?

– Опасность там моей родне грозит.

– Так она всем грозит, кто в те земли подался.

Пришлось чуточку приоткрыть тайну, которая и так бы раскрылась, получись у меня мои предварительные задумки:

– Да понимаешь, дед, там три девушки случайно в полку оказались. Как узнали, что я к людоедам в плен попал, так и поклялись мстить за меня люто и страшно. А мне вон удалось из плена сбежать да самому за себя отомстить неслабо. Но за девчонок теперь душа болит: куда им воевать-то? Они еще сами только недавно с куклами игрались.

Сказал это и сам философски задумался, живо припоминая, с какими куклами, как и кто игрался. Но старика, видимо, моя прострация впечатлила, поверил в мои горести и переживания.

– Сочувствую. Да только для такого рейда ух какие удальцы нужны.

– Так я и не сомневаюсь! – тряхнул я своими кудрями да пошевелил бугристыми плечами. – Но самому о себе хвастаться – не дело для тех самых удальцов. Так что ты, уважаемый, сам обо мне и моем товарище у людей поспрашивай да подумай над моим предложением. Ну, может, и четвертого человека к нам в компанию подберешь. Понятное дело, что тоже справного и добровольца-удальца. Кони у нас есть, как раз на такой квартет хватит. Если что, подходи, мы вон там, возле той скалы биваком стоим.

По себе знаю, насколько вредно приставать к человеку с просьбами слишком долго. Пришел, сделал предложение – а дальше пусть помаринуется в собственных размышлениях. Ну и правда в словах моих имелась – уж лучше сам со стороны о наших маленьких подвигах узнает.

Пока я беседовал с Мирославом, сходка в центре лагеря закончилась, народ рассосался по своим бивакам. Посмотрел я и на наше место стоянки, но своего товарища там не увидел, ни под навесом с лошадьми, ни в самом шалашике, пристроенном к скале. А так как Светоч стоял еще довольно высоко, то нетрудно было догадаться, куда Ленька подался. Ну и я решил искупнуться, потому как речка огибала наш лагерь дугой чуть ли не с трех сторон, что против подлых кречей подходило лучше всего при обороне. Правда, речушка была слишком узкая и местами мелковатая, и многие доказывали, что крылатые слуги людоедов ее запросто перелетят. Пока еще сталкиваться в этом месте с этими козлоподобными тварями не пришлось, но в любом случае это казалось лучше, чем чисто поле. Потому и стоял здесь лагерь. А коль прорвутся зроаки-рыцари на конях, так от них можно будет уйти на ту сторону речушки по многочисленным бродам.

Вообще-то и данная долина могла считаться райским уголком. С одного взгляда понималось, что на ней два, а то и все три села расположить можно. И пастбищ хватит для прокорма тучных стад, и огородов для посадки чего угодно. Но, видимо, хозяева этих ленных наделов еще только в пути и прибудут лишь с четвертой волной. А может, царские чиновники эту долину для каких своих родственников успели придержать? Как я понял по некоторым высказываниям переселенцев, имелись такие подозрения у народа. Что на восток, ближе к Гадуни – так кому угодно, а что ближе к Леснавскому царству – так неизвестно кому. Пока неизвестно. Хотя некоторые и говорили, что здешние наделы будут самыми маленькими, раз в пять меньше тех, что люди получили в восточной части Ничейных земель.

Так вот размышляя, вышел я на берег реки, как раз возле памятного затона, где мы и собирались купаться с Леней в это время. Да и утром мы здесь резвились, пытаясь еще какой рыбки поймать. Вот только сейчас моего товарища не наблюдалось, но возвращаться за ним и искать по лагерю смысла не было, все равно появится. И я, аккуратно сложив под кустиком свою одежду и оружие, с залихватским уханьем сиганул с высокого берега прямо в глубокую затоку.

Водичка здесь бодрила и по сравнению с Лияной или той же Журавой казалась градусов на пять холодней, север все-таки! Но в любом случае, со своим обновленным и выздоровевшим телом я чувствовал себя в этой купели, как акула в морской стихии. Да и щит помогал мне находиться под водой вдвое больше, чем обычному человеку. Четверть часа в общей сложности я блаженствовал в водной купели, упиваясь все еще растущим телом и новыми способностями организма. А потом, словно дельфин, выбросился на берег, продвинулся под свой облюбованный куст и раскинулся спиной на травке. Да так и замер, уставившись в небо и восстанавливая дыхание. Тело потребовало расслабиться и поваляться в лености.

Да и как не поваляться в таком благостном покое?

Только приближающиеся голоса довольно скоро нарушили мое уединение. И если я вначале постарался не обращать на них внимания (не кричат ведь и не поднимают тревогу), то потом уловил знакомые тона в голосе одного из них, да и второго узнал. К месту моего отдыха приблизились лагерный атаман и тот самый дед Мирослав. Причем последний выказывал явное сомнение услышанному, а рассказчик от этого только горячился еще больше:

– Собственными глазами видел! И во вранье никто меня обвинить не посмеет!

– Да ты не кусками, ты все по порядку расскажи.

Оба остановились на крутом обрыве, не замечая меня, разлегшегося за кустами, и атаман приступил к повествованию:

– Он вчера так с подковыркой к рыбакам приставать начал, дескать, хоть на завтрак чем угостят? Ну те его и отшили, посоветовав самому что-то поймать и на чужой каравай рот не раскрывать. А Михаил глянул на улов да давай насмехаться над парочкой плотвичек, что ребята выловили. Мол, ему такого улова и распробовать не хватит. Ну, его самый опытный старожил и подстрекать стал: «Тебе не иначе как сразу сома ловить надо. Но он такой огромный, что и ныряльщика затянуть может». А все по той причине, что видели намедни, под вечер, как этот сом уточку прямо пастью заглотал. Представляешь себе: хлоп пастью – и нет уточки.

– Да чего уж там, бывают такие монстры.

– А этот был все монстрам монстр! Но вначале-то мы лишь посмеивались, когда Михаил расспрашивать начал, как рыбину на дне нащупать да под жабры сподручнее ухватить. Ему все разъяснили, еще и место почти точно указали, он раздевается – да и в воду бултых. Раз пять выныривал, хотя нам сразу казалось, что слишком долго он под водой сидит. Ну да дело такое, все-таки обладатель первого щита.

Мирослав от возражений не удержался:

– Поверь и мне: никаких преимуществ первый щит в нырянии не дает. Уж это я точно знаю!

– Ха! А ты вот дальше слушай! И нырнул этот паря в шестой раз, да так надолго, что мы уже все решили: утонул! То ли под корягой какой застрял, то ли захлебнулся, то ли сом его усами за ноги оплел и ко дну прижал. Все-таки почитай в том месте омута метров пять глубина будет. Уже и за товарищем его юнцы побежали, да и рыбаки нырять намерились, как вон там, где плес и мелко, вдруг вода стала бурлить да пениться и этот богатырь пехом из воды стал выходить.

– Пехом?!

– А как иначе такую рыбину вытащишь, если она хоть и слабо трепыхается, но все равно ко дну тащит? Не всплывешь никак! Вот Михаил ее пешком по дну и выволок. Как раз к тому моменту уже пол-лагеря сюда сбежалось, вот зрелище было!

– Представляю.

– А какая потом потеха случилась, – восторженно, взахлеб продолжал атаман расписывать мои подвиги. – Он не только сам рыбину, которая в длину больше его роста, до своего бивака доволок, но потом сам практически эту рыбину и съел!

Последнее утверждение повергло старого ветерана в еще большее сомнение, чем непосредственный процесс рыбной ловли. Он недоуменно стал разводить руками, представляя себе огромную рыбину, потом хмыкнул и с сарказмом

переспросил:

– Всю?! Вот уж не заливай, да там бы и десять человек от пуза наелись!

– А вот и не угадал: там двадцать человек объелись бы. А он за обедом почти все сам и слопал. Никого не угостил! Чуток только его товарищ поел да там и свалился от переедания, да еще чуток на полдник осталось. Проспался Миха и… остатки сома доел на глазах у свидетелей, словно неделю голодал.

Мирослав на это только крякнул:

– Экий он! А товарищ его что по этому поводу говорит?

– Вот у него и спрашивай. О, вон он как раз по лагерю бродит, видимо, своего дружка голодающего разыскивает. Но ты вначале к монахам подойди, пусть они тебе про стычку со зроаками расскажут. Уж они что ни на есть первые свидетели и участники того боя.

– Ну ладно, идем.

Оба собеседника развернулись и поспешили к тому месту, где устроили себе бивак монахи во главе со своим дряхлым патриархом.

Я же быстренько оделся и поспешил к Лене, который явно меня разыскивал.

– Ты чего купаться не пришел? – накинулся я на него.

– Какое купание? Тем более что сомов ты уже всех выловил, да и видели тебя якобы только что где-то здесь. А я чего тебя ищу. Новости ты не дослушал от приезжих. А они поведали, сколько разбитых обозов на дорогах видели. В том числе один, который имперскую почту вез, и один фургон отдельно, на котором частные почтовые доставки ведутся. Люди, может, и успели спастись да верхом умчаться, а вот письма, депеши и приказы там по всему полю валялись.

– Мм? И?

– О, вижу, тело у тебя подросло, а мозги те же остались, – не удержался товарищ от подначивания. – Да и крови, чтобы обмыть извилины, не хватает.

– Хм! – Я приподнял свой кулак и отставил его в сторону, словно любуясь. – А зачем мне мозги? Мне теперь и этого хватает!

– Ну-ну! – ни чуточки не испугался самозваный Чарли Эдисон. – А суть в том, что все твои отправления подругам, скорее всего, до Борнавских долин и не добрались. Ага, судя по морщине у тебя на лбу, это ты так задумался?

Морщину я со лба разгладил ладонью, а вот новость про не добравшуюся к адресатам почту меня озадачила. Но, немного поразмыслив, я подумал, что весть о моем возвращении могла привнести в головы девчонок только ералаш и смятение. Я ведь потребовал их немедленного возвращения в столицу и взывал, что нас ждут великие дела и свершения. Тогда я еще не знал, что неведомые силы Пантеона мне запретят создавать полки арбалетчиков вообще и распространение нового оружия в частности. Поэтому и понадеялся на почту. А сейчас получается, что если новости обо мне достигнут подружек, те могут ринуться в обратный путь и нарваться сразу на два сплошных фронта зроаков. Как по мне, то пусть уж лучше сидят в самой гуще профессиональных военных и дожидаются моего прибытия. В любом случае они никуда теперь из долин не денутся, а в настоящий бой их никто из нормальных командиров не пустит. Ну, так мне казалось.

– Ладно, что случилось, то случилось, – выдал я итог своих соображений. – Зато теперь буду уверен, что мы с девчонками не разминемся.

Мой товарищ тоже думал примерно так же:

– В самом деле, вырваться от Грохвы до ее осады никто не успел. Да и почта туда просто никак успеть не могла.

– Вот видишь! А ты паникуешь! – Я хотел похлопать Леньку по плечу, но он в последние дни от моих дружеских ударов наловчился ужом выкручиваться. Вот и сейчас меня обидел своим недоверием. Пришлось его укорить: – Чего ты так от меня шарахаешься, я ведь не сильно.

– Вот на зроаках несильно и тренируйся, – буркнул друг. – А мои плечи еще пригодятся.

– Точно. Я тут с тем самым дедулей переговорил, и он про нас, как я вижу, уже сбор информации начал. Глядишь, завтра уже и к Грохве двинемся. В крайнем случае попрошу его нам все тропы на карте показать.

– А сейчас чем займемся?

Я воззрился на него с удивлением:

– Забываться стал? А ведь сам утверждал, что рыба хорошо память восстанавливает. Почему тогда так мало вчера сома съел?

– Не досталось, – тяжко вздохнул Леонид. – Кто поймал – тот и съел. А про патриарха и его предложение нас поучить неким секретам я помню. Только вот, кажется, он уже и имени своего не помнит.

– Как не стыдно! А кто тебе новую маску подарил?

После того как мы спасли монахов и помогли им добраться до лагеря, они решили нас в любом случае отблагодарить. Так что еще вчера пригласили нас на скромный ужин из трофейной конины, а моему другу была подарена уникальная, можно сказать, волшебная маска, призванная по желанию владельца прикрывать все уродливые шрамы на лице. По словам настоятеля, над этим раритетом трудились в свое время сразу четыре обладателя Трех щитов, и делался он по заказу одного из князей Леснавского царства. Князь был довольно стар, частично изувечен на лице, а жену имел молодую, вот и заказал панацею, которая могла бы преображать его лицо в моложавого и симпатичного мужчину. Денег на аванс не пожалел для этого огромных, да и саму основу из кожи редкой птицы заказал с иного края света.

Но как оно частенько бывает, пока кожу доставили, пока квартет трехщитных в монастыре собрался, пока раритет сотворили, а князь взял да и помер от старости. Если не доплачивать остаток за работу, наследники бы забрали маску, а как узнали о сумме, только сплюнули да убрались восвояси. Так маска среди самого ценного наследия и осталась лежать. А когда пожар в монастыре случился, патриарх ее вместе с иными ценными раритетами, артефактами и

рукописями спасти успел. Вроде уже собрались новое помещение для монастыря отыскивать или старый отстраивать, подались к царю с челобитной, а тут как раз указ о переселении. Ну, патриарх и выпросил древний монастырь своей братии, который в Грохве в глубокой древности одному с ними ордену шуйвов принадлежал, а царь указ и подмахнул.

Понятное дело, что молодых братьев оставили с большим обозом у прежнего монастыря дожидаться, а самые старые сразу поспешили на Ничейные земли, старую святыню осматривать да свои права как можно быстрее на пустынные земли предъявить. Да вот застряли в пути надолго.

Но подарки во время первого, вчерашнего ужина не окончились. Трехщитный настоятель пригласил героев и на следующий вечер не только скромную трапезу с братией вместе откушать, но и обещал некие знания передать, которые как раз молодому обладателю первого щита могут очень пригодиться. То есть предстоял не то урок, не то общая медитация, не то еще какое обучение, которое для меня казалось и таинственным, и весьма своевременным. Ведь пока еще ни один встреченный мною двухщитный не подсказал мне чего-нибудь толкового в моем развитии по той причине, что только сам на своей второй ступени познавал азы магических тайн и наук. Мне на ту ступеньку вроде как и прохода не было, а с трехщитными учителями более высокой категории встретиться до сих пор вот так запросто, да еще в дружелюбной обстановке, не доводилось.

Поэтому от предложения патриарха отказываться не приходилось. И мы с Леонидом поспешили к биваку монахов. Правда, при этом сразу продумывали момент возвращения к своим вещам и уже там надеялись полноценно насытиться. Ведь несмотря на трофейное конское мясо, которое монахи знатно мариновали и отлично подвяливали, разговеться как следует в гостях вряд ли получится.

Глава четвертая

Семейные предания

Покинув крепость Ледь и расставшись со своими товарищами по отряду разведки, квартет наездниц, придерживая за повод пристяжных лошадок с солидным грузом в виде овса и горючего состава смол, называемого свеляша, устремился на юго-восток. Около трех часов они огибали крутые горы по левой стороне, которые кречи не смогли бы ни перелететь, ни пешком перейти. Петляли по ущельям и узким каньонам. Непроходимые, дикие и неприступные, они надежной стеной огораживали основные Ничейные земли от империи людоедов. Жаль, что эта стена простиралась не так далеко: еще через час езды горный хребет начинал резко заворачивать к западу, затем принимал севернее, а потом одной прямой грядой смыкался с перевалом, где располагалась крепость Грохва. Хотя уже там горы были гораздо ниже, сходили на нет, разбиваясь на дивные долины и многочисленные речушки с ледяной водой. Долины по ту сторону отрога тоже считались одними из лучших, удобных, плодороднейших на этом огромном пространстве, но там, увы, не имелось ни узких перевалов, ни достойных по высоте перекатов, чтобы соорудить достойные крепости. Так что вряд ли туда скоро поспешат и осядут новоопределившиеся бароны и владельцы ленных наделов.

Именно с этой общей информации начала разговор зуава Апаша Грозовая, когда четыре наездницы, углубившись в горы, сделали первый привал в небольшом урочище. Не приходилось сомневаться, что знаменитая воительница очень хорошо знает и этот участок гор, и остальные близлежащие районы Ничейных земель. Так что послушать ее было весьма интересно и познавательно.

Пожалуй, впервые за время их знакомства три девушки и заслуженный ветеран остались наедине. Никто их теперь не видел и не мог подслушать, так что небольшой отдых, сопровождаемый легким завтраком, вначале проходил больше в недоумении со стороны трио, чем в дружеской обстановке. Все-таки землянки держались со своей противницей очень настороженно и все еще подозревали ту в желании начать или немедленную дуэль, или банальную кровавую потасовку со смертельным исходом.

Почему драка не начинается, и решила в первую очередь выяснить Мария после вступительной речи своей давно ожидаемой на дуэли противницы. Причем обратилась к старшей по званию и по титулу неформально, не употребляя при этом ни «госпожа десятник», ни «ваша светлость». К тому же в понимании выходцев с Земли суровая и вечно нахмуренная, затянутая в броню и обвешанная оружием воительница никак не походила на утонченную, великолепную графиню.

– Зуава, давайте будем говорить откровенно и разберемся в наших отношениях до конца, – предложила лидер троицы. – По всем моим подсчетам, я свой обет по уничтожению зроаков и кречей уже выполнила и перевыполнила. Как и мои сестры. Несмотря на все твои попытки аннулировать с нашего счета по доброму десятку врагов. Так что нас больше ничего не удерживает от назначенной с тобой дуэли. Поэтому…

Апаша криво усмехнулась, перебивая девушку:

– Ты еще не навоевалась? Мало вам зроаков и кречей? Теперь будем еще и друг другу шкурки дырявить?

Трио между собой переглянулось, и первой успела ответить Катерина:

– Не мы первые начали!

И ей вторила тут же Вера:

– Мы вообще никого в полку никогда первыми не оскорбляли и не задевали!

Ну и самая старшенькая из Ивлаевых подвела итог этим ответам:

– Понятное дело, что дуэли между людьми, до тех пор пока существуют зроаки и кречи, – самое глупое, мерзкое и трагическое событие в нашей жизни. Надо убивать врага, а не друг друга. И наше мнение – дуэли вообще следует запретить, а любые споры или мелкие разногласия разрешать при помощи просто спортивного состязания.

– Как это, соревнования? – не поняла Грозовая.

– А вот так: вызванная сторона имеет право выбирать вид соревнования. Например: кто быстрее преодолеет дистанцию в сто метров. Или пять километров, да еще и с полосой препятствий. Или кто больше отожмется или подтянется. Или кто дальше пройдет по тонкому бревнышку, поднятому над землей.

Ветеран, помня о своей солидной, мощной фигуре, озадаченно почесала переносицу:

– По бревнышку, говоришь? Ну, тогда любая соплячка любого проверенного в боях ветерана победит.

– Ну и прекрасно! Значит, будет и в споре права, и ветеран пусть в следующий раз думает, что говорит, да от постыдного рукоприкладства сдерживается. Нечего свою ненужную раздражительность выплескивать на тех, кто младше и кто с виду кажется безобидным.

Зуава грозно нахмурилась, словно собралась разразиться бранью или командирскими наущениями, но, видя, что девицы просто ждут, что будет дальше, и никакого страха не выказывают, только шумно выдохнула. Похоже, она все-таки считала, что любой новичок в полку должен с уважением относиться к любому раздраженному ветерану и прощать его плохое настроение, как делается в случае с отцом или родной матерью. Но именно это сравнение напомнило Апаше, что все три собеседницы являются дальними родственницами некогда огромной семьи. И сами про этот секрет еще не знают. Вспомнила и примолкла на некоторое время.

После чего попыталась улыбнуться и как-то неуверенно развести руками:

– Так что мне теперь, извиняться? Это все равно что мать станет извиняться за каждый грубый окрик при воспитании дочери.

– Но добрая и справедливая мать не станет обзывать дочь мерзкими и постыдными словами! – тут же резко возразила Мария. – Да еще в присутствии целой кучи озабоченных мужиков.

– Ну да.

На подобное обвинение можно было ответить только обострением конфликта. Но и извиняться для Апаши Грозовой, пусть даже перед дальними родственницами и пусть без посторонних свидетелей, оказалось невероятно тяжело. Поэтому стоило видеть, с каким трудом ей дались следующие слова.

– В самом деле, я была… не права.

Но Ивлаевым и этих слов вполне хватило, чтобы заулыбаться, счастливо вздохнуть и расслабиться от надоевшего напряжения. А Мария еще и прервала краснеющую от натуги воительницу:

– Извинения приняты, конфликт исчерпан! – и после этого в спонтанном порыве подскочила к зуаве и поцеловала ее в щеку. – Теперь будем жить дружно и мирно.

То же самое сделали следом за ней и двойняшки, чмокнув очумелую Апашу с двух сторон в щеки.

Реакция злобной, мстительной и своенравной женщины оказалась совершенно непредсказуемой. Вначале она словно задохнулась, окаменела, а потом вскочила на ноги и бросилась за ближайшую скалу. Проводив ее недоуменными взглядами, Ивлаевы переглянулись между собой, и Вера прошептала:

– Чего это она?

– Может, обиделась на такую фамильярность? – предположила Катерина.

– Ох, девочки, – печально вздохнула Мария, тоже говоря шепотом, – мне кажется, наша толстокожая воительница просто скрывает за грубостью и бравадой свою чувственность, тоску по детям и старое горе. Помните, что нам полковник о ее погибшей семье рассказывал?

Двойняшки затянули в один голос:

– А-а-а, тогда понятно.

– Она в последнее время, видимо, в нас кого-то опознала, – предположила Вера.

– На кого-то мы очень похожи, – добавила ее младшая сестричка.

– Поэтому она решила с нами помириться и взять над нами опекунство, – резюмировала лидер троицы подруг. – Тогда мне становятся понятны ее намеки

о каких-то сокровищах, некой семейственности и таинственных катакомбах. Скорее всего, Апаша знает места сокрытия либо старых кладов, либо еще чего очень ценного. Вот и взяла нас если уж не в долю, то как помощниц. И скорее всего, относится она теперь к нам как к дальним родственницам, а то и племянницам.

Катерина, больше всего обожавшая танцы, приключенческие фильмы и литературу и начитавшаяся о большой и закулисной дипломатии, вдруг напряглась невероятно:

– Слушайте! А вдруг она нас так коварно подставить решила?

– В смысле?

– Что, не знаете, как это делается во всех романах и фильмах? Отрицательный герой собирает команду якобы истинных соратников, которые ему безгранично верят, и отправляется за сокровищами. Находят клад, доставляют его к большой дороге, и уже там коварный предатель убивает своих соратников и преспокойно движется дальше к славе и богатству.

Наступила продолжительная пауза. Но если Вера смотрела на свою сестру расширенными от изумления и понимания глазами, то Мария, уловив суть подозрений, раздраженно зафыркала и зашипела:

– Совсем ничего не соображаешь?! Да зуава сама в любом месте прорвется и любое количество сокровищ на себе вытащит! Ей от нас помощи в этом деле – только лишняя головная боль. И вообще, если уж совсем ей настолько не доверять, то лучше сразу сказать, что нам ничего не надо и мы возвращаемся в крепость!

– Ну и чего ты, Машка, так расшумелась? – стала увещевать Вера подружку. – В любом случае подставить нас будет трудно. Да и поискать сокровища – мы ведь всю жизнь о таком приключении мечтали! Просто я хотела предупредить: все-таки до самого конца расслабляться не стоит. Пусть хоть одна маленькая капелька настороженности и оглядки у нас в отношениях с Грозовой останется. А?

Первой ответила Катерина:

– Ну ты, Верунчик, и голова. Тебя послушать – настоящий дипломат, лучше меня стала разбираться.

– Закрой ротик, младшенькая, – огрызнулась Вера. – И всегда с почтением и вниманием слушай старшую сестру.

– Ой-ой! Вот если бы ты по уму была старшая!..

– Стоп! – прекратила начинающуюся грызню между двойняшками Мария. – Обе – дуры! Но оба ваших предложения принимаются к действию. Ведем себя с Апашей как с родной теткой, но не забываем, что она может оказаться злой мачехой. Тише! Идет.

Зуава вернулась, все такая же собранная, угрюмая и непробиваемая. Хотя при внимательном рассмотрении можно было заметить слегка покрасневшие глаза, что наталкивало на мысль, что и такой каменный человек может плакать. Уселась на прежнее место и начала довольно строго:

– Дел у нас много. Так что прошу без лишних отвлекающих нежностей. Нам еще со зроаками воевать… – Но к тому времени голос у нее сел, и пришлось ей прокашляться. – Так вот, перехожу к сути стоящей перед нами задачи. Но так как время у нас еще есть, начну несколько издалека. Наш древний род когда-то был очень знаменит и обладал огромным количеством земель по обеим сторонам этого горного кряжа. Да и не только этого.

Упомянув некоторые фамилии, которые в принципе землянкам ничегошеньки не говорили, зуава стала описывать сжато как историю рода, так и перечислять огромные территории с замками, целые веси и малые городки, которыми владели славные предки Грозовой. В том числе, как она подчеркнула особо, заглядывая в глаза каждой из Ивлаевых, несколько крепостей и долин их общие предки имели под своей рукой в предгорьях Пимонских гор.

– Не может быть! – вырвалось в тот момент у Катерины.

– Может, еще как может! – хмыкнула Грозовая и продолжила рассказ: – Но суть сейчас не в утраченных землях и не в поиске наших общих родственных корней. Самые главные ценности нашего рода были утеряны именно здесь, в момент

образования империи зроаков. Потому что невдалеке от этого урочища и располагался главный город нашего княжества. Людоеды знали о несметных сокровищах, поэтому в своих поисках, после короткой осады и истребления всех жителей, буквально сровняли город с землей. Сейчас там даже фундаментов зданий нельзя рассмотреть. Но ничего эти аспиды так и не отыскали. На поле боя тогда в основном пали и все наши славные предки. А так как ни единого письменного указания про тайники или подвалы оставлено не было, мой отец предпринял самостоятельные попытки догадаться, куда и как могли быть спрятаны сокровища. И обратил внимание в одной из семейных летописей на бесспорное утверждение: между двумя сторонами горного хребта имелось не просто пешее сообщение, а даже на гужевом транспорте. Сообщение совершалось втайне от всего мира и служило только нашему роду. То есть по некоему тоннелю могла вполне свободно проехать телега или внушительная повозка. Но время прошло…

Повисшую паузу оборвала своим предположением старшая Ивлаева:

– Землетрясения могли давно завалить тоннель по всей длине.

Зуава на это досадливо скривилась:

– Не бывает здесь землетрясений.

– А как же при штурме Леди стены завалились?

– Причина проста: собрались трехщитные и устроили какую-то магическую напасть. Кстати, и сейчас они наверняка готовятся к чему-то подобному. И наша вторая задача после поиска сокровищ, вернее даже первая, – это отыскать-таки проход на ту сторону. Из него, как упоминается в той же летописи, имеется непосредственный выход прямо на неприступный гребень этого горного массива. В таком случае мы сможем зайти людоедам в тыл по траверсе и организовать лавину на лагерь людоедов. Только таким неожиданным ударом можно уничтожить их самых великих магов. Ну а попутно и поискать принадлежащие нам по праву древние реликвии и драгоценности нашего рода.

Мария переглянулась с двойняшками и высказала общее мнение:

– Апаша, нам там ничего не принадлежит, и мы ни на что чужое не претендуем. Но поможем во всем с удовольствием. Ну а если удастся еще при этом и трехщитных зроаков уничтожить, тогда мы вообще все свои клятвы и обеты будем считать выполненными.

– Только как к ним подобраться? – удивилась Катерина. – Мы ведь сами от Суграптской долины поднимались, каждый метр тех скал помним и каждое дерево, если туда с тыла и ударить, то все равно до цели мы никак не достанем. И что нам даст проход по гребню вершин?

Зуава усмехнулась:

– Ты, наверное, уже забыла, какую мы неслабую лавину устроили на зроаков? А помнишь, что еще и выше, почти возле самой Леди, собирались совершить нечто подобное?

– Помню. Но мы отказались от этого, потому что лавина сыпанула бы практически перед самой крепостью, а организаторы не успели бы спуститься низ. Вот Олкаф Дроон и не стал рисковать напрасно даже парой добровольцев.

– Вот именно! Теперь вспомни, где зроаки построили свой лагерь и огромную стену против неожиданного рейда из крепости? Как раз на том самом месте, куда и можно направить главный удар камнепада. А теперь представь, что мы пройдем по гребню скал, выйдем гораздо выше и удобнее для выбора удара, устроим лавину, а потом по той же траверсе обратно и отойдем. Опять-таки, если удастся отыскать вход в катакомбы или вход в тоннель.

– Но ты ведь раньше наверняка уже искала? – стала выпытывать Мария.

– Еще как искала! – бросила в сердцах зуава. – Но одно дело – делать это самой, с опаской и оглядкой, без всякого желания наводить посторонних на сокровища нашего рода, и другое дело – с вами. К тому же мне кажется, вы девчонки явно везучие, с вами нам наверняка улыбнется удача.

– Хорошо бы. Но мы еще раз хотим напомнить, что ни на что не претендуем.

– А вот это позволь уже мне решать! – резко осадила воительница скромничающих Ивлаевых. – Как старшей по всем статьям и более опытной! Одно дело – если мы просто однополчане, а совсем иное – когда… – Она не договорила и резко перешла на другую тему: – И еще две важные детали, запомните! Первая: земли нашего древнего рода, которые с этой и с той стороны гор, до сих пор принадлежат Грозовым. И даже царь Ивиан Холмский не посмел раздать их в баронские владения новым хозяевам или под ленные наделы. Я постоянно о себе напоминаю, а с последними посыльными успела отправить свое завещание на все эти земли в столицу Леснавского. В нем я указала вас троих как своих наследниц. Помимо этого, при окончательном распределении баронских наделов между нашими однополчанами я буду иметь право выбирать соседей, так что наши общие земли теперь легко потянут на маркграфство, а то и на экс-герцогство. И мы сами в итоге можем посадить в поселках до пятидесяти новых баронов. И это только с этой стороны.

Трио Ивлаевых выслушало новость о своих неожиданных титулярных перспективах с такими изумленными лицами, что зуава весело рассмеялась:

– Или вы думали, я разрешу вокруг себя отдать земли в руки посторонних? Ха! О том, что здесь мое и как я этим воспользуюсь, пока даже полковник с майором не знают. Только в царской канцелярии…

– Но ведь ты нас совсем не знаешь! – изумилась вслух Мария. – Да и род наш. Вдруг здесь какая-то ошибка?

– Наша кровь сразу чувствуется! И вы подтвердили наше родство своим достойным поведением. Так что спор на эту тему даже начинать не хочу. Примите просто право наследования как данность и знайте, что защищаете не просто все человечество от зроаков, но и свои личные земли, которые раз в сто больше ваших суммарных баронских наделов.

Сделав паузу, Грозовая продолжила:

– И второе: здесь водятся крысы-пилап, носительницы первого щита. Редко, мало, но водятся. Так что пора уже и вам как свои физические силы увеличивать, так и силу магическую приобретать.

Сразу у всех девушек в голове закрутились разные предположения, и чуть ли не одновременно посыпались вопросы:

– А ты знаешь, как они выглядят?

– Как их ловить?

– И как забрать щит?

– Наверняка ты тоже носительница первого щита?

Апаша покровительственно улыбнулась:

– Понятное дело, мало кто об этом даже догадывается, но уж я для себя однажды времени не пожалела, рискнула с поиском и не прогадала. Иначе как бы я ходила в разведку с Дрооном да видела в полной темноте? А будучи обладательницей первого щита, я и в чернильной ночи что-то могу рассмотреть, и ловкость больше, и выносливость выше, и периоды восстановления у меня гораздо короче, чем у остальных. Да что я рассказываю, сами знаете.

Землянки так до сих пор ничего толком и не знали, но дружно кивнули головами. Хотя тут же Катя решила похвастаться:

– А мы и так в темноте можем что-то рассмотреть.

Зуава озадаченно наморщила лоб:

– Вот и мне это показалось странным. Олкаф мне рассказывал, но до сих пор поверить не могу. Может, вы уже первый щит имеете? В нашем роду такое практиковалось: детям скармливали участок тела крысы под гипнозом, чтобы они это не помнили и для лучшего приживления в желудке. Ну а потом год излишней худобы и плохого состояния сваливали на стремительный рост и некоторые болезни. И только при совершеннолетии, когда мужчина или женщина обретали истинное совершенство и явно выделялись среди своих сверстников, им раскрывали тайну их крепкого здоровья и повышенных возможностей.

Двойняшки из этой речи в первую очередь уловили лишь самое противное для себя.

– Скармливали участок тела?! – пискнула Вера, и ей вторила Катерина:

– Год излишней худобы?!

После чего обе замерли под гневным взглядом Марии, которая попыталась загладить явную оплошность своих подружек:

– В Пимонских горах крысы-пилап уже пропали много сотен лет назад. Поэтому даже истинная правда о них у нас давно смешалась со сказками и мифами, мы много чего не знаем толком, а что слышали – слишком приукрашено и перекручено.

– А-а-а, – с пониманием выдохнула Апаша. – То-то я гляжу, вы вообще ничего толком о крысах не знаете. Смотрите…

После чего достала уголек и стала рисовать на скале изображения зверька в нескольких его положениях. Дивно было смотреть, как руки, могущие убить ударом кулака, чудесным образом создают удивительный, словно живой образ довольно невзрачной, скорее даже противной на вид крысы. От земных собратьев этого зверька отличали более округлые формы, толстые лапы и очень короткий хвост.

– Ого! – вырвалось у Веры, которая больше всех в трио разбиралась в архитектуре и живописи. – Как здорово рисунок получается.

– Так я это… – несколько смутилась зуава, – в молодости художницей была.

Дальше она прокашлялась и деловито стала рисовать методы разреза крысы и способы выкройки того самого вожделенного кусочка, который в принципе и назывался первым щитом. Охотнику достаточно словить или подстрелить крысу-пилап, снять у нее вместе с кожицей щит со спины и хорошенько вымыть в нескольких водах. После чего кожа срезается или сама отслаивается, а щит следует прилепить себе на любой выбранный участок тела. Если он прирастает, человек становится посвященным первого уровня. После чего должен

совершенствоваться, обучаться и уже с новыми знаниями получать второй щит, который произрастает в некотором роде из первого и дает умение держать оборону от магических атак.

Так же обстоятельно Апаша объяснила, как и насколько следует щит лепить на кожу; затем, если нет возможности его прирастить, как проглотить; сколько часов следует носить на себе, если щит отторгает первого хозяина, и как его передать следующему хозяину. Отдельно пояснила, что проглатывать щиты могут либо дети под гипнозом, либо лишь те, кто инициировал музыку, прикоснувшись к Лобному камню в Сияющем кургане, или, иначе, в Пантеоне. Если человек не кандидат в хранители Пантеона и у него щит не прирастает к телу, он тоже может рискнуть и все равно проглотить, но в таком случае выживает только один из десятка. Самой зуаве пришлось в свое время проглотить, и она чудом выжила, перенеся страшные муки и боли. При этом инструктировании Грозовая не слишком присматривалась к девчонкам, которые кривились, морщились от отвращения и порой вздрагивали от подробных объяснений. А когда все-таки присмотрелась, то искренне была поражена:

– Не поняла! Чего это вы так кривитесь?

Пока двойняшки старались сдержать тошноту, ответила лидер троицы:

– Да вот думаем: а зачем нам, собственно, этот щит? Мы ведь в полной темноте можем рассмотреть врага, а сил и выносливости у нас больше, чем у кого бы то ни было.

Опытная, прославленная воительница стала краснеть от гнева:

– Что за глупые разговоры? Чего это вы о себе возомнили? Да любой нормальный человек, а уж тем более сражающийся с аспидами рода человеческого просто обязан укреплять свое тело всеми возможными способами! Думаете, коль вам до этой поры везло, то и дальше победы будут даваться легко и с наскока? А фигушки! Да только пару раз схлестнетесь со зроаками в рукопашной – сразу меня поймете! – И уже с издевкой, с едким сарказмом добавила: – Смотрите на них! Кривятся они!

Катерина сообразила, что надо возразить в ответ:

– А как же самочувствие? Целый год мы будем тощими, слабыми, с приступами тошноты и аллергии. Какие могут быть сражения при этом?

– Ха! Как ни странно, даже похудев и с плохим самочувствием, но вы будете сражаться гораздо лучше, интенсивнее и результативнее. Состояние срастания со щитом ни в коем случае не влияет плохо на запал боя и движения человека в экстренных ситуациях. Проверено, доказано, обосновано.

– Но Дроон говорил, что мы и так…

– Мне плевать, что вам говорил Олкаф и кем считаете вы себя сами! Если у вас имеются некие врожденные способности, то это не значит, что шанс их удвоить надо игнорировать по причине неуместной брезгливости. Поэтому еще раз и очень жестко настаиваю: следить в оба и, как только появляется возможность, прикладывать все силы для поимки крысы-пилап. Во времена моей трагической молодости многие представители рода Грозовых могли бы и выжить в жестоких поединках, уйти от погони или раньше убить своих врагов – будь они носителями первого щита. А тоже, как и вы, все считали себя непобедимыми. Как итог: у меня теперь никого нет, кроме вас. Так что прекращаем всякие споры на эту тему и приступаем к поискам древнего прохода.

Трио Ивлаевых синхронно вздохнуло, но спорить с Апашой, возомнившей себя их опекуншей и главой рода, не стали. Хотя каждая про себя подумала примерно одинаково: «Если эти крыски такая уж большая редкость, то и нам они вряд ли попадутся. Так зачем ругаться на эту тему заранее?»

Зуава тем временем достала ветхую, удивительно как не расползшуюся от времени карту, бережно разложила ее на валуне и одним только строгим взглядом поманила девушек ближе.

– В прошлый раз, будучи здесь несколько лет назад, я успела исследовать вот этот край горного кряжа. – Она пальцем водила над картой, обозначая квадраты прошлых поисков. – Теперь мы начнем вот с этой точки. Здесь скала в виде орлиного клюва, чуть поднимемся по урочищу и ее увидим. От скалы начинаем продвигаться влево, исследуя каждую щель, расселину или отнорок. Прежде чем куда-то заползти, ждем появления остальных и четко показываем свое направление и пространство поиска. Если ход простирается слишком далеко или превращается в лабиринт, помечаем знаками все повороты, перекрестки и

возвращаемся наружу после продвижения по времени не более чем десять минут. Подобные места следует исследовать в одной команде.

– Мы видели горных шакалов, – напомнила Катерина, – а Олкаф упоминал про каких-то медведей.

– Насчет медведей, – улыбнулась Апаша, – так это я сама слухи давно и упорно распространяю: меньше будет желающих соваться в пещеры. Медведи дальше к югу есть, в лесах в центре Ничейных земель их полно. А вот с шакалами советую вести себя очень осторожно. Они на людей нападают редко, но если вдруг нарветесь на их обитель, то, не вступая в схватку, лучше сразу отступить. Как правило, они не преследуют человека, а остаются и дальше на своей территории. Но если их долго дразнить или начать убивать у самой норы с детенышами, то они издают вой призыва, на который может сбежаться целая стая иных, обезумевших от злости шакалов. Вот тогда и самый умелый воин будет не в силах совладать с зубастой и когтистой сворой. Да и мы все четверо можем не справиться.

Напоследок зуава подробно пояснила все самые эффектные удары против шакалов и даже медведей, посоветовала не бить хищников факелом, а стараться просто ослепить. Иначе при ударе огонь погаснет, и человек, если он один, оказавшись в полной темноте, становится легкой добычей даже пары-тройки шакалов.

Коней оставили в пустынном, но довольно удобном гроте в самом конце урочища. Главное, что тех теперь нельзя было обнаружить с воздуха, ведь появление здесь кречей-разведчиков могло оказаться самым опасным и нежелательным для квартета. Тогда как от мелкой напасти и даже более крупного хищника боевые красавцы керьюги и сами вполне могли отбиться копытами. Конь зуавы, более огромный и массивный, вообще имел боевой опыт более пяти лет и со своей хитростью и сообразительностью мог не только с неосторожным человеком справиться, но и со зроаком. По крайней мере, так утверждала его хозяйка. Пристяжные лошади, груженные овсом и массой иного полезного для лазания по скалам имущества, были поставлены в самую глубину грота. И только затем все четыре искательницы сокровищ двинулись на поиски вожделенного прохода.

Понятное дело, что девушки, по своей молодости и наивности, рассчитывали добиться успеха если не в первой найденной щели, то уж во втором проходе или

в третьей пещерке точно. Но ничего, кроме нескольких бескровных встреч с одиночными шакалами, не произошло. Зато намучились изрядно, вывалялись в пыли, взмокли, растрепали несколько прически, и теперь волосы непокорно выбивались из-под беретов.

Поэтому когда через четыре часа продвинулись несколько севернее, поставили коней в новом гроте и устроили себе обед, Апаша своих нечаянных родственниц решила подбодрить:

– Ну и чего вы такие хмурые и кислые? Мне тут пришлось два дня на коленках ползать при поисках, а мы сейчас то же самое пространство обыскали всего лишь за несколько часов.

– И никакого толка! – в сердцах воскликнула Катерина.

– Только вымотались и стали похожи на шахтеров, – проворчала Вера.

Им вторила Мария, отстраненно пытаясь размять в руках полоску жесткого вяленого мяса:

– Точно! Если кто нас увидит, испугается больше, чем медведей. И вообще, вдруг прохода никогда не было, а легенду про сокровища кто-то выдумал?

Зуава осуждающе покачала головой:

– Поражаюсь! Мы на таком ответственном деле, а они думают о своей внешности и соблазнительности! Вот детство у вас еще играет!.. Малышки мои, сокровища есть, не сомневайтесь. И когда на вас будет одно из древних колье нашего рода, то вас любой признает поцарницей, будь вы при этом хоть три года немытые.

Все три Ивлаевы на такое сравнение только недовольно замычали с набитыми ртами, потому что мясо жевалось очень трудно, а выплюнуть его было жалко. В то, что они в любом случае выглядят не хуже поцарниц, как в этом мире называли принцесс, они и так верили. Но сама мысль долго оставаться без мытья и сравнение с малышками возмущали их до глубины души. Только вроде помирились с Грозовой, а она уже присвоила себе право считать их младшими, полностью подчиненными по праву старшинства в семье.

Апаша мычание поняла правильно, сразу постаравшись сделать свой тон просительным и чисто дружеским:

– Ладно, это я вас так только наедине назвала, не дуйтесь. К вечеру, перед ночевкой, в ручье ополоснемся. Но сейчас очень прошу не расслабляться и искать с утроенным вниманием. Поверьте мне: и проход должен быть, и сокровища не могли испариться на небо. Да и не столько сокровища сейчас важны, как Ледь удержать важно. Если зроаки какую каверзу устроить успеют, то почитай и все Борнавские долины мы удержать не сможем. Ну и наши земли баронские, если не сказать целого княжества, опять станут безжизненными.

Реальные титулы баронесс и наличие земель, сопоставимых по величине с герцогствами и великими княжествами, привлекали землянок гораздо больше, чем какие-то сокровища. Пока никто вроде не догадывался о том, что они явные самозванки и никакого древнего рода Ивлаевых в Пимонских горах не существовало в помине. Другое дело, что совесть их начинала грызть и мучить все больше и больше. Ведь желание выдать себя за знатную особу, для того чтобы не мыть котлы, – это одно, и совсем иное – чтобы подобным способом обмануть грозную воительницу и набиться к ней в наследницы. Здесь чувствовалась явно страшная ошибка: зуава приняла их за своих дальних родственниц, а этого просто не могло быть. Ведь трио явилось сюда из иного мира, ни о каком единении по крови не шло и речи.

Но как ей сказать об этом? И делать ли это прямо сейчас? Да и что это даст, кроме ненужной конфронтации, вражды, а то и немедленного возобновления уже отложенной дуэли?

Вопросы беспокоили землянок настолько сильно, что, когда Апаша отошла «в кустики», двойняшки набросились с укорами на лидера девичьей компании:

– Ну и чего ты молчишь?!

– Или это мы должны говорить ей про ошибку?!

Мария применила самый действенный прием, пресекающий непослушание чуть ли не с самого детства. Показала кулак и шикнула:

– Цыц! И слушайте внимательно: понятное дело, что и от сокровищ, и от земель мы откажемся в любом случае. Иначе, когда вскроется наш глупый обман, нас не просто повесят или казнят, а выгонят под разделочные ножи зроаков. Но сейчас все равно лучше промолчать по многим причинам: и дуэль, а то и банальная драка может начаться, и товарищам в Леди не поможем, да и возможность еще как следует попортить шкуры людоедам пропадет. А за Борьку мы еще как следует не отомстили. Поэтому работаем и роем носом землю. Понятно?!

Кажется, подруги не совсем были согласны с таким положением дел, но спорить не стали. Сработала все-таки вбитая с детства привычка подчиняться лидеру во всем. А тут и Грозовая вернулась:

– Ну что, обсудили меня, толстокожую и бессердечную?

Но говорила она это с легким прищуром глаз и с материнскими нотками в голосе. За такие нотки и прищур можно было не только все прощать, но и самой пошутить в ответ. Что и сделала Катерина.

– Обсудили. И пришли к выводу, что мы такие же злобные мегеры. Значит, если не по крови, то уж по характеру мы точно родственные души. Тем более души отдохнувшие. Так что не пора ли нам заканчивать обед?

– Правильно. – Зуава замялась, пытаясь в который уже раз безуспешно вспомнить различия между двойняшками и определить, кто из них кто. – Вера?..

– Катя!

– Извини. Вот уж напасть, никак не могу отыскать отличий! Я ведь как носительница первого щита просто обязана это сделать! Неужели вас никто не может отличить?

– Я могу, – не подумав, ляпнула Мария и тут же смутилась под парой совершенно одинаковых иронических взглядов. – Не всегда, конечно. Зато наш дальний родственник Борис их словно свои руки друг от друга отличает.

– Трехщитный? – подивилась Апаша.

– Да нет. – Девушка печально вздохнула, а потом-таки решилась и продолжила: – Он вообще инвалид, из-за травмы и вырасти не смог, потому и выглядел как мальчик-подросток. По той же причине его и выкрали кречи в Рушатроне. Вот мы как раз за него и подались мстить зроакам и выполняем теперь данные обеты.

– Понятно.

Судя по тому, как Грозовая, не сдержавшись, коснулась указательными пальцами висков, этот знак соболезнования данного мира показывал ее твердую уверенность в гибели несчастного парня. Да и любой человек знал: судьба похищенных детей ужасна, и спасались лишь считаные единицы. И то лишь в том случае, если кречи делали короткую посадку для отдыха прямо возле засады.

– Ладно! После ужина расскажете, кто не уберег парня, а сейчас – за работу!

И все четыре искательницы сокровищ подались в новый сектор поисков.

Глава пятая

Что со мной?

Несмотря на свою старость и кажущуюся дряхлость, братья погоревшего монастыря умудрились расположиться у себя на биваке довольно уютно и основательно. И при этом все восемь старцев ни одной минуты не пребывали в покое. Даже присутствуя во время беседы или стоя в наружном дозоре, они продолжали что-то строгать, выравнивать, подтачивать, притирать или шлифовать. И фактически любая поделка получалась в их руках так, словно над ней работал истинный профессионал своего дела.

Патриарх, которого звучно звали Ястреб Фрейни, встретил нас с улыбкой на тонких губах и легким румянцем на просвечивающихся, пергаментных щеках:

– А вот и наши добры молодцы пожаловали! Чем сегодня отличились?

Видно было по сравнению со вчерашним днем, что Ястреб Фрейни уже восстановил свои старческие, но все-таки немалые силы обладателя трех щитов и теперь не прочь балагурить, делиться опытом, проводить обследования и даже опять уничтожить любого зарвавшегося зроака или наглого кречи. Потому что все от того же мягуна вряд ли смогут защититься или увернуться даже обладатели двух щитов.

За нас обоих ответил мой товарищ:

– Сегодня, как и в остальные дни, мы только тем и отличаемся, что ищем дополнительные источники пропитания. Поэтому с радостью ходим в гости, что на завтрак, что на ужин. Следовательно, пунктуальность, – он многозначительно посмотрел на плоский камень рядом с патриархом, который монахи накрыли вместо стола, косясь при этом на меня и потирая ладони, – наше главное отличительное кредо на сегодня.

– Заметно. Опаздывать вы не любите. Да и я на ужин вас еле дождался, томя себя голодом, братья-то давно поели уже. Присаживайтесь, добры молодцы.

Во мне всколыхнулись укоры совести, потому что я заподозрил старца в обмане. Вряд ли остальные восемь монахов успели поужинать так рано, еще ведь даже темнеть не начало, но, видимо, нас смущать не хотели, а зная мой зверский аппетит, вообще стали разбредаться по лагерю, поделив между собой обязанности. Трое отправились к реке ловить рыбу, пара с луками поспешила к рощице рубить и собирать древесину для костров, остальные тоже без дела не оставались.

По логике вещей, на моем месте следовало вести себя скромнее, не налегать на еду и помнить, что у монахов самих может быть продовольствия впритык. Но как только я уселся за импровизированный стол, руки стали жить отдельной от разума жизнью и все, что из съестного находилось в их досягаемости, стали тянуть в рот. Даже если что-то эти беспардонные руки не доставали, тут же нагло вырывали из-под контроля разума тело и заставляли его наклоняться над столом в нужную сторону. То есть для адекватного участия в беседе мне следовало вначале как следует заморить моего взбешенного червячка, вернее – огромного питона, который уже давно поселился у меня во внутренностях. Понятное дело, что я успевал и к разговору прислушиваться и даже участвовать в нем, но вначале он велся в основном между патриархом и Леонидом.

– Как тебе наш подарок, Чарли? – поинтересовался старец, присматриваясь к лицу моего друга. – Научился пользоваться?

– Как видите! Жаль, у нас нормального зеркала нет, а маленькое все время занято. – (Это он к тому, что мне ведь надо было учиться отрабатывать мимику моего нового, выздоравливающего и растущего лица!) – Так что я даже не знаю, как и чем вас отблагодарить за такой подарок! – После чего он демонстративно глянул на меня, потом на стол и задумчиво наморщился. – Разве что больше не приводить Михаила к вам в гости.

– Ну что ты, что ты! – И взмах сухонькой ладошки в мою сторону: – Не слушай его, Миха! Угощайся чем тебе нравится.

Мне нравилось все, поэтому застывшие после невероятного усилия воли руки вновь замелькали со скоростью мельницы под ураганным ветром. А может, со стороны я смотрелся как ловкий пройдоха-наперсточник, только те прятали горошинку под одной из трех посудин, а я выгребал из посудин все до зеркального блеска. Даже ужимки и ерничество моего друга меня нисколько в дальнейшем не останавливали и не смущали.

Тот это понял, осторожными прикосновениями пальцев притронулся к маске на своем лице и пробормотал:

– Никогда бы не подумал, что такое возможно: я ее совершенно не чувствую.

– Вот и отлично. Теперь тебе даже после получения первого щита не придется ждать целый год до своего выздоровления.

И опять мэтр клоунады покосился на меня с опаской:

– Если я тоже стану таким прожорливым, то, наверное, обойдусь без всякого щита. Я ведь не умею так быстро и много жевать, обязательно подавлюсь.

Рот у меня оказался как раз наполнен плохо жующейся кониной, поэтому я только угрожающе промычал что-то и помахал указательным пальцем. Мол, куда ты денешься с этого пути на Голгофу!

Но монашеский патриарх, стараясь не смущать меня пронзающим взглядом и как бы беседуя только с моим помощником, сам озабоченно покачал головой:

– Вообще-то подобный аппетит – это нечто из ряда вон выходящее. Если мне не изменяет память, то ни единого подобного случая в истории не упоминается. Всегда и везде симптомы приживления и ассимиляции щита, как на теле разумного существа, так и в его желудке, сопровождается худобой, потерей аппетита, шелушением кожи, рыхлостью ногтей, выпадением волос и даже зубов…

Наверное, моя замершая на мгновение физиономия со стороны смотрелась весьма комично, потому что Леонид стал давиться смехом и перешел на шепот, который только и мог его удержать от заразительного, даже для него самого, хохота:

– Его зубам выпадать некогда, они все время заняты.

Даже патриарх на это как-то странно хрюкнул, то ли веселясь, то ли осуждая такое неэкономное использование жевательного органа. Дальше его речь звучала, словно рассуждения с самим собой:

– Но больше всего поражает эта невероятная скорость восстановления, обновления и выздоровления организма. Подобный рост должен был растянуться на все восемь лутеней[1 - В мире, где происходит действие романа, время измеряется в следующих величинах: кар – один час; сутки – двадцать каров; рудня – неделя, пять суток; восемь рудней – лутень, или месяц по земным понятиям; десять лутеней – год.], и два оставшихся лутеня – на постепенное избавление от худобы. Конечно, некоторые исцеления тоже проходили довольно быстро, свидетельств этому полно, да только в тех случаях речь шла про старые шрамы, больные почки или печень, поврежденные сухожилия или оставшуюся после ранения хромоту. В крайнем случае отращивание утерянного уха или отрезанного в детстве пальца. Но чтобы всего за месяц из маленького подростка, которого кречи приняли за ребенка, вымахал эдакий внушительный молодец… В голове не укладывается.

Продолжая интенсивно жевать, я в ответ лишь скорбно закивал. Мол, сам ничего не понимаю. Тогда как старец, посмотрев на меня сочувственно, словно на некое неизвестное этому миру животное, стал выпытывать у моего товарища

подробности моего обретения первого щита.

– Вчера я был еще слаб, поэтому не поинтересовался деталями приобретения щита. Ты в курсе, как это происходило?

У нас на такой случай была оговорена единая версия событий, которую я собирался преподнести трехщитным во время своего обследования. Признаваться, что в меня насильно впихнули сразу три (!) первых щита только по той причине, чтобы они не достались зроакам, мне казалось почему-то делом постыдным и неприятным. Поэтому мы оставили при обсуждениях саму суть и закамуфлировали ее полуправдой и капелькой наших фантазий. Что и пересказал Леонид под моим одобряющим взглядом.

– Дело в том, что когда Михаил был еще этим… хм… ну, низенького роста и вознамерился стать обладателем лоскутка кожи крысы-пилап, у него при себе была просто огромная сумма денег. Вот слишком ушлые продавцы-охотники этим и воспользовались. У них как раз получилась некая нехватка времени, и они решили обманом всучить слабому и глупому… – Мои глаза расширились от справедливого негодования, и друг поправился: – По крайней мере, на вид глупому… недорослю сразу три первых щита, которые у них имелись. Ну и убедили неопытного виноградаря из царства Паймон проглотить все и сразу.

Наверное, стоило бы заснять глаза дедули, которые стали величиной с блюдца, но не стану же я доставать и пользоваться видеокамерой! Он, наверное, подумал, что я с детства такой всеядный и не ел только камни.

– И ты проглотил?! – прошептал он.

В тот момент рот оказался сравнительно пуст, и я, равнодушно пожав плечами, философски изрек:

– Долго болел. Очень хотелось стать большим.

Моя рука опять поднесла кусок твердого, но страшно вкусного сыра, и мой помощник продолжил витиевато излагать ход событий:

– Михаил только через несколько часов узнал, как его жестоко обманули, да только помочь ему в тот момент оказалось некому. Страшные боли его буквально свалили с ног, и только благодаря помощи посторонних людей его успели доставить к врачам и сделать невероятно интенсивное промывание желудка. Тем и спасли парня. Очнувшись, Миха пораскинул мозгами и решил, что уже ничего в желудке не осталось. Почему бы не порадоваться? Хотя денег, заработанных тяжким, непосильным трудом, ему было жаль до слез и потери сознания.

Судя по сморщенному носу великого клоуна, он только чудом сдержался от нахлынувшего смеха, вспомнив, как мы с ним в Лаповке сортировали никому не нужные монетки советских времен. Там это – почти мусор, а здесь – воистину немалое богатство. Но чтобы плакать, а уж тем более падать в обморок от потери пусть даже всего нашего запаса монеток, это еще надо было придумать такое! Вернее, это следовало родиться с таким умением издеваться. Тем более что в нашем предварительном обсуждении данной легенды ни о каких слезах и речи не шло. Но возразить я мог лишь сердито нахмуренными бровями: сыр хоть и вкусный, но в данный момент слишком уж напоминал по вязкости загустевшую смолу. Имей я вставные зубы, обязательно выпали бы!

Зато опять получилась картина маслом: Чарли Эдисон горестно морщится при упоминании жуткой финансовой утраты; я страшно на него сержусь за раскрытие такого секрета; патриарх сидит с приоткрытым ртом и быстро переводит взгляд то на меня, то на Леню, то снова на меня. Такая картина смотрелась бы в несколько раз гениальнее, чем «Охотники на привале» знаменитого художника Василия Перова.

Кое-как задавив в себе желание поржать, мой товарищ продолжил спектакль одного актера:

– Фактически уже на следующий день на бедного Михаила, как только он очнулся после промывания, напал зверь-голод. Но лишь через дней девять-десять мы догадались измерить его рост и осознали, что он растет. Вот тогда и постигли простую суть, что один щит так и не смогли врачи вымыть и он прижился в желудке. Примерно то же самое подтвердил и один двухщитный попутчик, который путешествовал вместе с нами из царства Паймон. Потом Михаил узнал о своих глупышках подругах, и мы устремились за ними в погоню к Борнавским долинам. Так что показаться знающим специалистам до сих пор не удавалось.

С минуту патриарх Фрейни сидел в прострации, переваривая информацию. Затем челюсть все-таки поднял, глаза сузил до нормальных размеров, отчего те стали сразу смотреть с подозрением, и начал планомерно засыпать моего боевого товарища каверзными вопросами:

– Вы ведь оружейники? Так при чем тут «наивный виноградарь»?

– Это я так, к слову сказал. Да и охотники, продававшие щиты, наверняка так подумали.

– И где такая продажа могла произойти?

– Можно сказать, что в самом устье Лияны.

– Откуда там взялись подобные продавцы?! Туда нереально довезти кусочки кожи!

– Так ведь кусочки никто и не вез… – лихорадочно пытался сообразить рассказчик. – Их… эти нехорошие продавцы… э-э-э… прямо с крысами привезли. Те были в клетках.

– Чушь! Крысы-пилап в неволе умирают через несколько часов!

– Может, охотники что и приврали. – С неподражаемым артистизмом Леонид вздохнул. – Тем более что они и в остальном обманули покупателя-калеку.

– Да таких надо преследовать и судить без всякой скидки на их рисковую работу, – негодовал старец, раскрасневшись еще больше. – А что за врачи промывали желудок?

– Мой друг понятия не имеет. Какой-то небольшой городок на самом берегу.

– И как именно промывали? Какими средствами?

– Увы! Михаил оставался все то время без сознания. Он, как очнулся, сразу отправился в путь, потому что я его ждал на Большой Дуге. И уже дальше мы на

пассажирской яхте отправились в Рушатрон вместе.

Он имел в виду знаменитый изгиб великой реки, где она делала резкий поворот на северо-запад. Там стоял город, который так и назывался – Большая Дуга. Кстати, наш перевозчик по Жураве довольно хорошо обрисовал этот город, так что уличить нас во лжи было бы весьма проблематично.

Но старец не унимался:

– Что за попутчик с вами путешествовал? Как его зовут?

– Какой-то барон Мюнхгаузен, – отчитался Леонид, не моргнув глазом.

– Странно. Удивительное имя, и происходит оно, скорее всего, из Заозерья.

Вот тебе и раз! То в самой империи Моррейди никто не знает, что творится в Пимонских горах и болотистых краях за ними, а то вдруг какой-то настоятель погоревшего монастыря Леснавского царства рассуждает с уверенностью о неведомой земле. Удачно это мы успели свое место происхождения поменять! Хотя еще непонятно, насколько хорошо патриарху известно царство наивных виноградарей Паймон. Вдруг он сам оттуда родом?!

– А зачем он плыл в столицу Моррейди и кем или где служит?

– Вот этого он нам не рассказал, – посетовал Леня. – Да и не до того как-то было: на друга зверь-голод напал, а я слишком выпивкой увлекся.

– То есть средства у вас еще оставались?

– Ха! Так ведь Михаил мастер-оружейник! Для него заработок в любом порту и в любой крепости отыскать – раз плюнуть.

– Неужели? – воскликнул с невероятным скепсисом увлекшийся беседой патриарх. Но тут же опомнился, припомнив, с какой легкостью и с помощью какого дивного оружия мы покончили с диверсионной группой людоедов. – Кхе-кхе. Оно и понятно. Никто не сомневается. Кстати, Мирослав, старый ветеран-пограничник, приходил и очень вами интересовался. Особенно вашим

уникальным оружием, которым вы не только зроаков убили, но и кречей на землю сшибли. Чего скрывать, и мне бы очень хотелось эти ваши пики в руках подержать, осмотреть. Ну и то, другое «нечто», которым вы зловонных летунов сбили.

К тому времени мой голод оказался загнан в угол переполненным желудком и несколько смирен разумом, вновь вернувшим себе управление руками. Поэтому и я вступил в беседу, приходя на помощь моему товарищу:

– А что, неужели все мастера-оружейники вот так запросто делятся со всеми своими новинками и секретами?

– Так ведь для общей победы, должно быть, не жалко.

– А если это пока только опытные образцы, проходящие боевые испытания? И как они будут смотреться, примененные зроаками против людей? Вот! Потому мы не слишком о нем распространяемся. А кроме нас, им никто и пользоваться не сможет.

Глаза дедули заблестели молодецким, боевым азартом:

– Вдруг я тоже могу вам помощь в создании оружия оказать? Знали бы вы мой опыт и мои приключения в молодости! Так что мне непонятно, почему такая скрытность? Вы мне не доверяете?

– Верим. И даже покажем наши… к примеру, пики вблизи, – неожиданно для старца ответил я. – Если сможешь сделать подобное сам – покажу и объясню остальное. Договорились?

– Согласен! – выпалил седовласый старец, уже предвкушая удовольствия от познания доставшихся ему секретов.

Без всякой просьбы с моей стороны Леонид поспешил к нашему биваку, где под внутренней стеной грота, прямо возле торб с овсом и конских морд, лежали как наши арбалеты, так и новое оружие, состряпанное нами во время плавания по реке Журава. Благо что в лагере всё рядом и под рукой, и уже через две минуты Леонид вернулся с пикой, которая покоилась в плотном чехле. Но прежде чем

достать новинку на свет, я продолжил беседу о том, что меня сильно беспокоило: о собственном здоровье:

– Так что со мной не так? Можешь ли ты, уважаемый Ястреб Фрейни, меня толком осмотреть? Почему я так много ем и долго ли это будет продолжаться?

Во время короткой паузы наш дедуля сразу понял, что я хочу выжать из него как можно больше только за возможность прикоснуться к тайне неизвестного для него оружия. Но обещать мне слишком много не стал по простой причине.

– Еще лет десять назад легко мог бы осмотреть все твои внутренности и выявить любые патологии или несоответствия. Но в первый день я не прибеднялся, говоря лишь об осьмушке оставшихся у меня сил, так что толку от моих попыток тебя осмотреть будет ничтожно мало. Мало того, мне придется сидеть над тобой в медитации почти всю ночь, а потом восстанавливаться еще дольше, чем после создания мягуна. Как ты думаешь, оно того стоит?

– Ха! Мне мое здоровье всего дороже. Тем более что сильно меня беспокоит.

– Чем? – вопрошал патриарх. – Лишним обжорством? Да по большому счету тебе сопутствовала редкостная удача: имелись случаи, когда желающие усилиться носители просто клеили на тело сразу два первых щита и умирали в страшных мучениях. Не помогали даже отторжения конечностей, на которые щиты были наклеены. А ты их проглотил! Только вдумайся в этот абсурд! Тебя к концу первых суток просто должно было разорвать на части, словно кожаный мех с забродившим вином. То, что глупые врачи сумели сделать банальным промыванием желудка, вообще не поддается моему пониманию. Первый щит даже с ладони или пятки смыть нельзя, если он прирос и пищит от ярости, и я поражаюсь, как это сразу два (!) вытолкнули наружу из твоих внутренностей!

– Наверное, самый первый лоскуток успел закрепиться раньше и вытолкал остальные, – предположил я утвердительно-вопросительным тоном. – А может, особое лекарство при промывании применили? Мне та больница показалась неким сосредоточием магии, тайны и полигоном для испытания новых средств, – врал я с самозабвением. – Даже некая услышанная фраза припоминается, словно в бреду: «Неважно, если он умрет, первое испытание проведено успешно!»

– Куда ж тебя так попасть угораздило?! – возмущался старец. Хотя тут же мотнул седой бородой и продолжил прежнюю тему: – Так вот, раз тебе настолько невероятно повезло, то на этом фоне излишний аппетит и невероятный обмен веществ в твоем теле – это не слишком уж большая плата за спасение. Скорее всего, и это тебе пошло на пользу: вон в какого молодца превратился за такое короткое время. Ну и сам подумай, что хуже для воина: непомерное обжорство или рвотные позывы при виде любой пищи?

На такой неуместный вопрос у меня пропал дар речи, вырвалось возмущенное мычание, а руки вновь стали непослушными, потянувшись за куском прокопченной в специях конины.

Зато отозвался сильно озабоченный, официально числящийся моим помощником Чарли Эдисон:

– Как говорят у нас в царстве Паймон, такого воина легче убить, чем прокормить. Мало того, у меня есть подозрения, что он не остановится в росте никогда. И что тогда случится? Он станет как гора, а пищи будет поглощать – три горы. Его никакие крестьяне не прокормят и попросту отравят в один из прекрасных дней, напоив прокисшим молоком и соленой селедкой.

– Э-э! Ты чего?! – промычал я с возмущением. При этом, заглатывая мясо, чуть не подавился от спешки. – Я не хочу больше расти!

– Да кто тебя спрашивать будет? Я займу твою должность техника-оружейника, а ты отправишься пешком в столицу Гадуни и там просто перетопчешь всех людоедов своими ножками. Кречей будешь сбивать, словно моль, хлопая ладошами. А вместо дубины у тебя будет ствол самого громадного дерева этого континента. Кстати, где растут самые высокие деревья?

– Среди Гайшерских гор, – не задумываясь ответил Ястреб Фрейни, уже к тому времени осознавший, что два молодых и отчаянных молодца просто дурачатся между собой. – И если ты станешь великаном, то сам туда сбегаешь за несколькими дубинками для себя. Но это когда еще будет. Ты лучше мне свою пику покажи, обещал ведь.

– И ты обещал, – напомнил я старцу про ожидаемое мною хоть какое-то учение для обладателей первого щита. – Я тоже хочу мягуном кидаться.

– Конечно научу. Только пока трехщитным не станешь, даже тужиться не пытайся, не потянешь.

Может, он и прав был, я пока особых сил и умений в себе и от первого щита не замечал, но ведь в любом случае учиться следует всегда. Эту истину я усвоил еще при изучении компьютерных технологий и всего, что связано с электричеством и электромеханикой. Правда, я пока не понимал, как патриарх меня учить собирается и как надолго этот процесс растянется по времени.

А вот наше оружие, идея которого принадлежала Леониду, а механическое воплощение мне, Ястребу наконец-то решил показать. Вынул из чехла и протянул прямо над столом:

– Поймешь, что это такое и как действует, только рассматривая?

Вопрос на засыпку, потому что дедуля явно завис, как «тяжелая» программа на слабом компе. Да и в самом деле, пока в пазах не было стальных лезвий, сообразить, что и к чему, смог бы лишь специалист по арбалетам, духовым ружьям, современным лукам и револьверным системам. Наша пикаметатель в самом деле была сделана из толстой доски длиной под два метра и шириной чуть ли не пятнадцать сантиметров. Потому и выглядели обе как оглобли! Сколько мы из-за их внешнего, несуразного вида наслушались насмешек и издевательств, пока не догадались поместить это страшилище гениальной инженерной мысли в чехол из плотной дерюги.

Идея и в самом деле была проста, талантлива, и родилась она после того, как я в первый же день нашего плавания по Жураве поставил конкретную задачу:

– Используя имеющиеся у нас уникальные пружины из сверхпрочных сплавов, надо срочно создать нечто смешное на вид, но действенное в бою. Ибо, примени мы арбалеты, обязательно где-нибудь проколемся, засветимся, и лично за нами будет по всему континенту гоняться армия людоедов и их подлые летающие помощники.

Самое смешное в той ситуации, что уже через полчаса мой товарищ весело рассмеялся и переспросил:

– Срочно? Запросто!

И рассказал, как у них в цирке творили один весьма ловкий трюк с метанием ножей. Творил его хозяин цирка Мохнатый, красуясь своей волосатостью и накачанными бицепсами, а суть заключалась в том, что ему следовало с верхнего яруса, из-за зрителей, добросить два метательных ножа в эпицентр щита, который располагался там, где в больших цирках сидят оркестранты. Но расстояние получалось такое огромное, что не то чтобы точно попасть, а банально добросить тяжеловатый нож считалось проблематичным. Ну и кто-то из техников предложил простой выход: разработал этакий каркас из густой металлической сетки, который ради безопасности зрителей опускался вокруг метателя. Мало ли что, вдруг нож соскользнет и полетит в сторону?

Но в трубах каркаса установили пружинные метатели, которые и швыряли ножи в строго пристрелянном заранее направлении. Отблеск прожекторов, грохот барабана, широкий размах, как в бейсболе, и Мохнатый делает вид, что кидает нож, на самом деле просто роняя его себе под ноги. Зато точно такой уже яростно подрагивает в положенном для срыва оваций месте. Потом второй бросок – и вновь идеальное попадание с невероятной дистанции. Секрет зрители так и не могли раскусить, приписывая точность силе и мастерству хозяина-директора частного цирка.

Таким ножом, даже если он после попадания в доспехи окончательно разрушится, можно убить рыцаря на расстоянии сорок метров. Удар по эффективности получался невероятный. Так что оставалось нам решить проблему лишь технически. Пружины у нас имелись. Я их заказывал отцу для создания духовых ружей и новых разновидностей арбалетов. Схему устройства мы себе примерно представили сразу, как и всю компоновку зарядки, натяжения и спуска. А вот с иными трудностями местного разлива пришлось повозиться.

Хуже всего дело обстояло с трубами. Вернее, даже не так с круглой трубой, как с ее плоским, как бы сплющенным вариантом. Ну не делали тут таких труб! Не было подобных производств в Моррейди! И это при том, что в столице имелась подземная железная дорога, действующая на силе так до сих пор мне и непонятных шуйвов. Рельсы, вагоны и нечто их тягающее было, а вот труб – вигвам!

Тут и пригодилась моя смекалка. Все скобы, пружины, зажимы и спуски я додумался расположить на прочной дубовой доске. Тяжеловато получалось, из-

за чего начальную длину нашей пики в три метра пришлось сократить до двух, но зато мы умудрились на «дульных» торцах каждой доски разместить по три приемника-метателя. Вставил нож, уперся им во что-то твердое и налег на доску. Щелчок – нож готов к выстрелу. Или для метания, не суть важно. Потом с другой стороны доски вставил оружие в пазы – повторная процедура, ну и напоследок – нож по центру, в вырезе доски. Вот и получилось: трехзарядное копье, убивающее противника на расстоянии. Еще и мэтр большого манежа шутил:

– В крайнем случае от этого оружия четвертая польза может быть. Отстрелил ножи, а дальше по головам просто бьешь… доской.

Вот так у нас и получилось нечто, не привнесенное сюда из иного мира, а созданное прямо здесь и даже с виду никак не похожее на предмет из мира с высокими технологиями. Но страх нарушить запрет довлел надо мной все равно.

Поэтому понятно было, насколько я переживал, пока Ястреб Фрейни осматривал и крутил доской на все лады. Я только и делал, что нервно прислушивался к ощущениям: не станут ли неметь руки? Ведь именно так будет начинаться мое наказание, заканчивающееся нежелательной смертью.

Глава шестая

Кто ищет – найдет…

Поиск в послеобеденное время получился для воительниц более чем насыщенный и разнообразный. Хотя лучше бы он был скучным, но результативным, чем настолько полным приключений.

Вначале в узком отнорке оказалась заблокирована тяжеленным рухнувшим камнем Катерина. Хорошо хоть ноги успела выдернуть и ей ничего не отдавило! Здесь выручило распоряжение зуавы фиксировать свое направление остальным, и если вдруг тебя долго не видно, они приходят на помощь. Хотя когда приблизились к заваленному проходу, оттуда неслись периодические крики, напоминающие скорее громкий визг. Таким образом девушка звала на помощь

остальных.

На проклятущий, страшно неудобный камень угробили почти целый час времени и массу физической силы.

Потом в некое подобие размытого стока дождевых вод провалилась Апаша Грозовая. Слежавшийся наносной грунт треснул у не отличающейся легкостью поступи воительницы под ногами, и она осунулась на глубину метров пятнадцати по узкому желобу с выступающими камнями. Скорее всего, зуава и сама бы оттуда выбралась, не получи она неприятное повреждение колена. После того как она выкарабкалась с помощью Ивлаевых на поверхность, то постаралась убедить молодежь:

– Моя регенерация – очень сильная. Мне просто надо немного побыть в покое и медитации.

Так что еще два часа три подруги из иного мира исследовали обозначенное пространство сами. При этом перспективных, уходящих куда-то вдаль и вглубь проходов обнаружили целых три. Один из них отличался каким-то резким, неприятным запахом, во втором был замечен зарычавший шакал, а третий – чуть ли не сразу переходил в сложный лабиринт из катакомб и пробитых водой русел. Но оставили их напоследок. Тем более что зуава и тут посоветовала:

– Пока осмотрите остальные расщелины, но как только мне станет немного легче, тронемся все вместе, – а когда девушки опять двинулись на поиск, бросила им вслед вопрос: – Крыс не видели?

– Ни одной! – Вера с облегчением вздохнула. – Похоже, они тут давно повывелись или их шакалы поели.

Апаша сразу прочувствовала легкомысленное отношение красавиц к данному вопросу и грозно рявкнула своим знаменитым голоском:

– Только попробуйте упустить хоть одну крысу-пилап! И запомните: на этих крыс из других животных никто не охотится. Так что держите сетки наготове постоянно!

У каждой имелась небольшая сеть, которой можно было в броске накрыть довольно шустрого, по словам опытного ветерана, зверька. Хотя девушки в данном случае вполне справедливо полагались больше на свое умение метать ножи. Но когда передвигались по склонам горы, на эту тему высказались довольно прозаично. Гораздо больше они опасались отвращения, которое может возникнуть в нужный момент охоты.

– Мне противно будет в той крысе свой нож испачкать, – призналась Вера.

– А я не удержусь от визга только при одном виде этой мерзкой твари, – добавила Катерина.

Мария тоже не могла себя настроить должным образом:

– Как представлю, что Апаша нас эти щиты на коже носить, а то и глотать заставит, так сразу готова записаться в передовики общества защиты животных.

Но им повезло: пройдя все намеченное Грозовой пространство, они ничего живого, кроме парочки шакалов да вездесущих мелких пташек, не заметили. Когда вернулись к гроту с лошадьми, их самозваная опекунша и в самом деле чувствовала себя гораздо лучше. Опухоль на коленке у нее значительно спала и, если не делать резких прыжков и стремительно не бегать, не мешала отправиться вместе с остальными на обследование трех найденных перспективных проходов.

Начали с того, который был чист от неприятных запахов и радовал отсутствием шакалов. Но полтора часа интенсивных, скрупулезных поисков так ничего и не дали. Сплошные тупики и засыпанные слежавшейся породой и грунтом старые русла позволили зуаве сделать вывод:

– Вряд ли отсюда существовал проход на ту сторону. Слишком уж давно и напрочь заросли ведущие вниз промоины. Отправляемся в пещерки с шакалами.

– А почему не в третий? – решила поинтересоваться Мария.

– Запах. Таким зловонием отдают гниющие останки, разлагающиеся кости, – пояснила Апаша. – Потому мне там и не нравится.

– То есть там кого-то завалило и он умер?

– Хм, не обязательно завалило и не обязательно умер. Но в любом случае оставим те проходы напоследок. Хотя… – При входе в первую из длинной анфилады пещерку зуава задумалась. – Несколько похожий запах бывает и в медвежьей берлоге. Но это невозможно, мы ведь ни единого следа медвежьего не видели и ни одного знака, которыми они метят свою территорию. Ладно, держите свои рапиры наготове. И если шакалы начнут мешать, старайтесь убивать их молниеносно, чтобы они не успели дать вой призыва для остальных.

– А если их сразу ножами успокаивать? – предложила Вера.

– Мм? – Грозовая поморщилась, но, припомнив, сколько уже зроаков пало от метательных ножей Ивлаевых, согласилась: – Ну, если попадете сразу в глаз – пробуйте. Хотя лучше нам вообще подобного отродья зубастого не касаться.

Увы! Бескровно пройти по этим лабиринтам пещер не получилось. Хотя первых четырех шакалов удалось уничтожить тихо, а потом без шума и пыли завалить в промоинах камнями и песком. Следующая пара уже попыталась если не воем, то хрипом созвать своих членов стаи. Пока их прятали и затирали следы крови, жуткий вой раздался на месте первых захоронений.

– Пусть шуйвы придут к нам на помощь! – досадовала зуава. – Видимо, живые шакалы таки унюхали мертвые тушки! Да и наши следы для них – как раскрытая книга. Ищем удобное место для обороны. Быстрее!

Благо еще, что такое место отыскали довольно скоро, укрепили факелы на стенах, в удобных местах, так что и освещение получилось превосходное. Да и первые шакалы бросились на людей не единой волной, а явно подтягиваясь к месту сражения бегом и поодиночке. Так что первые два с половиной, а то и три десятка этих горных зубастиков воительницы положили легко, словно на тренировке. А вот затем пришла вторая волна, и стало не то что жарко, а очень горячо. Порой создавалось впечатление, что озлобленные шакалы мчались в атаку на людей, стоя на спинах друг у друга в три, а то четыре уровня. Настолько плотно, в едином броске, единой стеной атаковали мелкие хищники, защищая свою территорию.

Если бы людей было меньше или они не обладали таким высоким воинским умением, обязательно бы погибли. А так выручила необычная верткость, сноровка и филигранное владение своим оружием. Девчонкам хватало лишь одного укола, чтобы шакал либо падал замертво, либо, повизгивая и судорожно дергаясь, умирал за короткое время. Уж на что Грозовая насмотрелась в своей жизни, но и та, когда все устало присели в конце боя и пытались отдышаться, не сдержала своего изумления:

– Малышки, вы уникальные фехтовальщицы! Кто вас обучал?

С трудом отдирая свою окровавленную руку от эфеса рапиры, Мария выдохнула:

– Иных уж нет, а те далече. А что, сражение окончилось?

– Можешь не сомневаться! Мы уничтожили всю стаю, которая обитала в этом ареале, полностью. Ну разве что щенки где остались повзрослевшие, так те со временем, если выживут, начнут создавать новую стаю.

Катерина нервно хохотнула:

– Зато теперь нам никто не помешает здесь осматриваться.

– Прямо сейчас закончим? – решила уточнить зуава. – Или на завтра отложим?

Вера поежилась от омерзения и покрутила носиком:

– Фу! Еще и завтра здесь копаться? Да тут такая вонь за ночь образуется, от огня факелов взрыв получится!

– Правильно, – поддержала подругу Мария. – Надо уже до конца все обойти. Судя по тому, что шакалы нас атаковали лишь со стороны выхода наружу, много ходов, ведущих в глубь недр, мы не обнаружим.

Предчувствие и наблюдательность лидера троицы не обманули. Не прошло и часа, как искательницы сокровищ убедились в полной замкнутости данного лабиринта и подались наружу для ночного отдыха.

Вне недр уже настала глухая ночь, непроглядная для простых людей, если бы не легкое, мерцающее освещение со звездного неба. Апаша, как обладательница первого щита, да и землянки, имеющее некие врожденные отличия в зрении, в свете факелов не нуждались и добрались к оставленным лошадям, ориентируясь в пространстве довольно легко. Костер на месте тоже разводить не стали, зная, насколько просто летающий в ночном небе кречи может высмотреть огонек даже с расстояния в двадцать километров.

Добавили корма своим лошадям, перекусили сами холодным пайком, обсудили перспективы дня грядущего да и провалились в сон. При этом больше надеясь на умных, чутких керьюги, которые благодаря своему отменному слуху быстрее уловят приближающуюся опасность, чем их хозяева. Да так в принципе и произошло. Два раза за ночь тихим, деликатным храпом лошади будили воительниц. Один раз они так ничего и не увидели и не услышали, а вот во второй раз удалось рассмотреть на фоне ночного неба две крылатые тени проклятых людоедских приспешников.

– Кречи! Чтоб у них крылья отвалились! – прошипела в бессильной злобе Апаша. – Высоко рыщут, из лука не достанешь. Вот если бы засесть где-нибудь на верхушке скалы…

Несмотря на ночь, усталость и желание спать дальше, Мария все-таки задала давно заготовленный вопрос:

– А почему те же шуйвы не помогут людям создать такие трубки, плюющиеся железом и достающие кречей на любой высоте? Если уж повозки безлошадные в Рушатроне людей и товары перевозят, то и оружие можно создать любое.

Грозовая удивленно хмыкнула, пару раз вздохнула, но все-таки ответила:

– Есть парочка легенд, в которых техники-оружейники создавали нечто подобное. Но в тех же легендах и утверждается, что именно шуйвы запретили творить такое оружие, а непокорных оружейников попросту уничтожили. Опять-таки, это все лишь легенды, и я совершенно не понимаю, о каких плюющихся трубках идет речь. Может, вы что-то слышали более конкретное?

– Да тоже лишь одни легенды, – ушла Ивлаева от ответа.

Со своим багажом знаний землянки знали массу чего интересного и полезного, а используя оставленные в Рушатроне ноутбук и базу данных, можно было построить хоть завод по производству космических ракет. Но вот это упоминание про недовольных, все контролирующих шуйвов и озадачивало, и расхолаживало вот так сразу, с ходу делиться секретами. Да и спать хотелось не по-детски.

Поэтому Мария задышала глубже, делая вид, что уснула, а потом и в самом деле провалилась в сон.

Утром девчонки проснулись бодрые и полные сил. А вот апаша выглядела злой и недовольной. С досадой рассматривая свое вновь распухшее колено, она сетовала на стаю агрессивных шакалов:

– Из-за них перенапряглась в прыжках, да и парочку ударов челюстями получила в наколенник. И теперь осложнение пошло!

– Ну так ничего страшного! – утешила ее Мария. – Оставайся возле лошадей, лечись в медитации, а мы оставшийся проход и сами прекрасно осмотрим.

– Нет. Запах там меня очень тревожит, – не согласилась зуава. – Одних вас пускать просто не имею права. Так что завтракаем – и за дело. Отдохнуть я всегда успею.

Небо было чистое, ни кречи, ни облачка. Поэтому быстро соорудили бездымный костерок, наварили каши с сухофруктами, заварили чай и уже через час с сытной умиротворенностью отправились исследовать последний найденный лабиринт.

Вид нескольких валунов, которыми явно пытались замаскировать, прикрыть вход, обрадовал. Раз что-то прячут, значит, не зря это делают. Вначале первая пещера показалась довольно маленькой и глухой, но стоило зайти за выступающий валун у дальней стены, как открывалась широченная, метра в полтора, вполне естественная промоина, по которой здесь когда-то протекала река. Причем, что интересно, здесь чувствовалось легкое движение воздуха навстречу. Именно оно и приносило неприятные запахи.

Дойдя до первого перекрестка, откуда по меткам вернулись первый раз наружу, подались парами по двум из трех проходов. Но чем дальше продвигались по ним, тем больше приходили к выводам: проходы выглядели несколько неестественно для дикой природы, слишком сглаженные повороты, почти на одном уровне и одинаковой примерно высоты. Да и в конце этих пятидесятиметровых тоннелей обе группы сошлись вместе опять, но уже на новом перекрестке. Быстро пробежав третий, нехоженый до того тоннель туда и обратно, двойняшки доложили, что и он входит в единую систему.

Дальше виднелись три следующих тоннеля, которые, как уже никто не сомневался, наверняка пробивали и выравнивали в глубокой древности. Вот только неприятный запах здесь стал гораздо зловоннее. Поэтому удвоили осторожность, двинувшись все четверо по центральному проходу. Но радость уже ощущали все, все-таки явно рукотворные переходы были найдены, древние семейные предания Грозовых не лгали. Скорее всего, просто не все оговаривалось в домашних хрониках.

Апаша ликовала:

– Что я вам говорила?! Что вы везучие! И сокровища рода вас признали и наверняка помогают. Так-то! Теперь будете мне верить, и попробуйте хоть раз засомневаться в моих словах!

Девушки тоже мнениями об удаче обменялись довольно интенсивно, разве что делали это шепотом. А потом слово взяла профессионал, разбирающийся лучше всех в архитектуре.

– Такое впечатление, что это специальные, вспомогательные тоннели, – высказывалась Вера как наиболее сведущая в прокладке коммуникаций и в градостроительстве вообще. – Скорее всего, и они сойдутся на следующем перекрестке.

– Но здесь телега никак не пройдет, – фыркала Катя. – Даже всадник не проедет. Разве что коня аккуратно провести можно.

– То есть ты считаешь, что такие ходы могут быть над основным тоннелем? – уловила мысль подруги Мария.

– И над, и под, – просветила Вера. – Все зависит от того, для чего они использовались. Если для пешего перехода, то лучше их прокладывать поверх основного. Если для технических нужд, то лучше внизу.

– Каких таких технических нужд? – не поняла внимательно прислушивающаяся к каждому слову зуава.

– Хотя бы самых простейших: для сбора канализационных или дождевых стоков. Какая примерно длина под хребтом тут будет на ту сторону? Если смотреть по прямой линии?

Ветерану такие геометрические понятия были совершенно чужды, но ответила зуава с завидной уверенностью:

– Два километра восемьсот метров. – С довольной улыбкой заметив три удивленных девичьих личика, повернутые в ее сторону, Апаша снисходительно добавила: – Я вам просто не говорила, что в найденном отцом предании и длина тоннеля указывалась.

– А-а-а! Ну а про вот эти, тройные проходы говорилось?

– Нет. И я не пойму, почему их три? И не два или четыре? Как по мне, то и одного бы хватило для пешеходов или для стоков воды.

Вера немного помолчала, задумавшись, но, когда вышли на следующий перекресток, который выглядел уже как большая, солидная пещера и который оказался теперь в ста метрах от предыдущего, стала объяснять:

– Все понятно, проходка велась поэтапно, вполне возможно, что использовали и природные русла, оставшиеся после рек. Скорее всего, здесь находился некий пропускной пункт или отсюда вел запасной выход наверх… – Подняла факел, освещая и внимательно осматривая свод. – М-да, лаза не видно… Но его могли заложить вон в той расщелине камнями. Осмотримся на следующем перекрестке. Пошли! Если лаз будет, то мы…

– Над основным тоннелем? – спросила Катерина.

– Помалкивай, младшенькая! – шикнула на нее старшая из двойняшек. – Если наверху основной тоннель, то из него как раз по этим стокам и будет вода падать вниз. Кстати, и движение пешеходов могло быть организовано именно здесь, пусть даже это низ системы. Один поток туда, второй – оттуда. Ну а центральный проход резервный, для стражи или ВИП-персон. – Увидев недоуменный взгляд Грозовой, она охотно пояснила: – К ВИП-персонам относятся такие люди, как бароны, клайдены, зуавы, барессы[2 - Клайдены, зуавы, барессы – виконты, графы, маркизы.], князья и поцарники[3 - Поцарники – принцы.]. Ну, можно сюда добавить еще и трехщитных или самих царей. Не правда ли?

– Может, и так, – проворчала прихрамывающая воительница. – Но у меня такое впечатление после твоих комментариев, что у вас в Пимонских горах подобные тоннели сплошь и рядом.

Вера думала недолго:

– Да нет, мы живем в жуткой дикости и вдали от цивилизации. Просто учили меня два знаменитых архитектора из Заозерья. Причем учили по одной шибко умной и редкой книге да нескольким реликтовым трактатам, вот я все и запомнила. Мало того, я знаю, как дома строить надо, и замки, и дворцы. Причем такие, которых и в Рушатроне не сыщешь.

– Не стоит так неосмотрительно хвастаться! – строго осадила Мария подругу. Но тут же с ехидной улыбкой добавила: – Не то зуава тебя назначит главным строителем в новом городе, на месте которого и фундаментов не сыщешь.

– А что, и назначу, – твердо пообещала Апаша. – Если мы хотя бы часть семейных сокровищ отыщем, то мы тут такой город поставим, леснавский царь позавидует.

Мечтательный тон сбило замечание Катерины:

– Главное, чтобы зроаки не позавидовали.

В самом деле, говорить о каком-то строительстве при такой конфронтации было делом бессмысленным. Даже имея на руках неограниченные средства, вкладывать их – полный абсурд до крепкого захвата Ничейных земель в руки

людей. А это вряд ли получится скоро. Пусть все новые бароны осядут на своих землях, пусть граница вокруг Гадуни станет постоянной и неприкосновенной со стороны людоедов, но и этого будет мало. Наиболее желательно – вообще стереть зроаков с лица земли. И только тогда можно отстраивать древний город, а возможно, и возводить новую столицу здешнего края.

Именно к такому выводу пришли искательницы сокровищ, когда приблизились к следующему перекрестку. Остальные два тоннеля тоже вынырнули в аккуратную полукруглую пещерку. Вонь там стала невыносимой, особенно из центрального тоннеля, но с подсчета шагов вроде не сбились. Получался отрезок примерно в пятьсот метров. То есть добрая четверть всего тоннеля, если верить записям рода. Но хуже всего, что сразу бросалось в глаза нагромождение тяжеленных валунов, которые почти наглухо перекрывали все три уходящих далее прохода. Именно за этими камнями что-то либо гнило, либо разлагалось после издыхания.

– Какой завал будем разбирать? – Мария пыталась просунуть факел среди валунов одного из нагромождений. – Ба! Да здесь не так уж далеко! Два-три слоя у самого свода. Дальше чернота пустого пространства. Если постараемся, то за пару часов справимся.

Но семейный архитектор, внимательно разглядывающая свод, пока движение по прямой проигнорировала:

– Завал разбирать не будем. Попробуем как-то сковырнуть вниз или приподнять вон ту плиту.

Отверстие над головой нельзя было назвать округлым или прямоугольным. Скорее всего, строители просто выровняли уже имеющееся, но оно явно выделялось на своде, а еще выше его прикрывала каменная, довольно хорошо и ровно обработанная плита.

– Либо там наверху основной тоннель, – объясняла Вера, – либо выход на склон гор. Может, и на тот самый траверс по хребту, который нам так нужен.

– Правильно, – поддержала ее зуава. – На ту сторону хребта мы всегда успеем, нам тут поискать надо.

Катерина по сравнению со своей сестрой любила не только танцы и дипломатию, но и украшения, поэтому больше все-таки думала именно о них:

– Как по мне, то нам лучше вообще назад вернуться. Ведь понятно, что завалы делались с этой стороны, а значит, сокровища тоже на уже пройденном пути спрятаны. Ведь какой смысл их затаскивать слишком далеко в недра? Никакого, тем более если сундуков много. Да и в дырку на своде их подавать ой как несподручно. Так что мое мнение: вернуться назад.

Мария не стала давить своим авторитетом, хотя взгляд ее так и говорил: «Кого интересует твое мнение!» Вместо этого она просто проигнорировала предложение одной из двойняшек, намеренно обращаясь к зуаве:

– Чем быстрее мы отыщем путь на траверсу, тем эффективнее и своевременней поможем нашим товарищам в Леди. Только как туда добраться?..

Она уже смотрела наверх, как и все остальные. Вроде и невысоко, метра четыре, но ведь ни удобной деревянной лестницы, ни должного инструмента для закрепления веревочной лестницы или просто веревки.

Стали думать и гадать, но долго спорить не пришлось. Для начала, подкатывая валуны из завалов и ставя их друг на друга, соорудили этакую горку высотой чуть более метра. При этом зуава старалась работать как все, ведь ее мускульная сила равнялась чуть не всей сборной мускульной силе трио Ивлаевых, но девушки пытались ограждать Апашу от перегрузок, поскольку хромала она все больше и больше. Не получившая должного отдыха, незалеченная коленка могла в скором будущем доставить большие неприятности при ходьбе.

Затем Апаша, Катерина и Мария взобрались на горку валунов, устанавливая себе на плечи круглый щит зуавы. И уже на этот щит забралась Вера, которой доверили разбираться как с самой плитой, так и со способом ее открытия или выемки. Из инструментов знаток архитектуры выбрала самое прочное и приемлемое в виде рычага: меч Апаши, можно сказать, ее фамильную гордость.

– Малышка, я тебя умоляю, – просила та, отворачиваясь в сторону от летящих сверху осколков породы и мусора. – Осторожнее с реликвией. Этим мечом несколько поколений Грозовых сражалось.

– Хм! Так он такой старый? Металлолом! – ерничала Вера, интенсивно расчищая нанесенный за века водой мусор, песок и образовавшиеся наросты.

– Да ему цены нет!

– Вообще ничего не стоит? Я так и подумала. Вот если мы у себя дома побываем, то такой меч для тебя отыщем! Камень резать будет.

– Ври-ври, да не завирайся! – осадила подругу Мария, заметив, как нахмурилась Апаша после услышанного. – Все прочитанное из книг у тебя в голове перепуталось, сказки от советов по строительству отличить не можешь.

Постепенно все мешающее было очищено, и Вера смогла лишний раз доказать свою сообразительность.

– Как хитро они сделали. Похоже, вверх плиту с той стороны не вытолкнешь, не вытянешь никоим образом, разве что пробить насквозь или расширить колодец. Ведь как ни пытаюсь поднять хоть краешек способом рычага – крышка упирается наверху в выступ.

– Меч! Меч не сломай! – успела вставить мольбу зуава.

– Зато отчетливо видны вот эти каменные блоки и клинья. Именно ими подпирали плиту снизу. Вначале один край вставили в паз, потом подняли противоположный и заклинили. Похоже, больше всего опасались нежелательных гостей сверху. Вот только кого? Каких гостей?

Ее младшая на двадцать минут сестричка тоже решила высказаться. Причем получилось у нее весьма неглупо.

– Любая дверь всегда надежней запирается изнутри. Да и откуда мы знаем, какие хищники водились в горах, когда строились эти тоннели.

– Точно! – оживилась Апаша. – Были тут в древности хищники! Я и забыла, что в предании упоминались грожбы. И даже давалось краткое описание: «Грожбы – это удав толщиной с туловище взрослого мужчины, трех метров длины, о восемнадцати маленьких ножках, с бронированной, невероятно ценной кожей.

Вместо пасти у хищника отверстие в виде цветка, обрамленное девятью паучьими лапками. Но эти лапки с коготками на концах вытягиваются в длину до двух метров и могут, схватив, поломать позвоночник женщине или даже молодому воину». Чуть дальше указывалось, что последние грожбы этих гор уничтожены за много столетий до написания хроник. Только в некоторых замках на то время оставалось несколько препарированных, пугающих своим жутким видом чучел.

Лучше бы она это не рассказывала. Вера сразу же прекратила работу по выниманию выбранной части клиньев и подрагивающим голосом стала уточнять:

– Три метра?! И лапки как у паука?! Сломать позвоночник?!

– Ну все! – рассердилась Мария. – Ты долго там еще будешь нам по плечам топтаться? Мы ведь не строительные леса, и ты не пушинка. Топчешься, как корова! К тому же чем тебя напугали какие-то добрейшие грожбы? Если ты уже людоедов вон сколько перерезала! И кто из них страшней?

Поправив факел и сопя от обиды, специалист по архитектуре проворчала:

– Сама ты как… – но не договорила и благоразумно продолжила свою работу.

– Ню-ню! – начала угрожать лидер компании, но, спохватившись, грамотно перевела стрелки на другого человека: – Вот я расскажу Борьке, какая ты запуганная мелкими мышками и паучками! Он тебя живо отучит от беспричинного страха.

Сказала и сама примолкла, пригорюнилась. Не отозвались на эту шуточную угрозу и двойняшки. Все-таки как они ни старались думать, что Борис Ивлаев жив, но столкновение с действительностью, близкое знакомство с жуткими зроаками и кречами все меньше и меньше оставляли шансов слабому и больному калеке вырваться из лап людоедов. Похоже, парня и в самом деле приняли за ребенка подлые летающие сатиры и отнесли своим покровителям и хозяевам на стол.

Апаша сразу уловила иное, грустное настроение девчонок, но все-таки не смогла скрыть свое удивление:

– Все-таки надеетесь, что ваш Борей выжил? Ну, с одной стороны, это правильно. Ведь чего только в жизни не случается.

Но, кажется, она и сама не верила в то, что говорила. Уж всего насмотревшаяся зуава прекрасно знала, что тем детям, которых кречи просто упустили на лету, а потом доставили к столам зроаков уже мертвыми, хоть как-то повезло. Остальных жертв похищений разделывали прямо в пиршественных залах, еще живыми.

Хорошо, что сопение наверху и падение камней вниз прекратились. Без всякого разрешения Вера хитро просунула меч зуавы за камни, обвязала его веревкой и сообщила:

– Готово! Буду опускаться, осторожно! – Как только оказалась на грунте, держа веревку внатяжку, стала отступать в сторону. – Прячьтесь в тоннели. Плита может упасть так, что осколки полетят нешуточные.

Понятное дело, что хозяйка меча попыталась возмутиться:

– Он ведь может сломаться! Особенно если плита рухнет на него!

Но девушка добила ее детской непосредственностью, вдобавок впервые назвав по-родственному:

– Тетя Апаша, да не переживай ты так, я ведь твой меч сразу к себе тянуть буду. Прячься, все прячьтесь!

После чего осмотрелась внимательно по сторонам, примерилась, куда прыгнуть в случае опасности, и стала дергать за веревку. С первого рывка выпало два каменных клина, но уже после второго грохнуло, скрипнуло, меч блеснул в полете, а за ним, словно обвалился весь свод, рухнула и плита, прикрывающая до того лаз наверх. Причем рухнула не только в клубах пыли и с грудой мусора, камней, которые она на себе насобирала, но и принеся с собой нечто, которое после оседания пыли все сразу же опознали по недавнему описанию. Пожалуй, на этот раз все четыре женских голоса впервые слились в один рык-вскрик-визг:

– Грожба!

Глава седьмая

Ученье – свет

Патриарх погоревшего монастыря как ни старался, но изобретенное нами устройство по метанию ножей понять так и не смог. Вернее, сам-то он видел это оружие в бою и понимал, чем оно выстреливает, но вот как сам бросок происходит, сообразить у него не получалось.

Но меня больше всего радовали мои вполне работоспособные руки: никакого онемения или неприятного ощущения. Значит, мое оружие либо признано вполне допустимым в этом мире, либо просто не рассмотрено вездесущими, таинственными шуйвами из-за огромного расстояния. Все-таки одно дело – наблюдать за нарушениями в Рушатроне, в окрестностях Сияющего кургана, и совсем иное – за тридевять земель. Кстати, в голове у меня и еще одна мысль ценная возникала: «Лобный камень утверждал, что в течение лутеня в радиусе двухсот километров от столицы будут уничтожены любые существа из иных миров. Так называемая чистка. Не говорит ли это о том, что дальше силы шуйвов просто не простираются? И не попробовать ли мне рискнуть с производством арбалетов, скажем так, в том же Леснавском царстве? Конечно, не сей момент, а после встречи с девчонками и освобождения их от подневольной службы в наемницах… Ах ты!.. Чуть не забыл, что они теперь уже могут полноценными баронессами себя именовать! Как бы нос задирать не стали и остаться защищать свои земли не вздумали. Ну ничего, у нас есть чем их соблазнить!»

Да оно и понятно было: с имеющимися у нас средствами и знаниями иной цивилизации мы тут запросто сможем уже за год стать богатейшими личностями. Так что титул графа, а то и маркиза нам просто подарят в знак признания наших заслуг на благо империи Моррейди. Надо только будет объяснить этим глупышкам, как, что, куда, зачем и сколько. У меня вон уже сколько задумок есть ценных. Взять хотя бы монопольное производство сгущенного молока. Ну а при выбросе на рынок того же шоколада сиюминутные миллионные поступления сделают нас сразу самыми богатыми людьми континента. Только и следовало, что отыскать на югах большие участки с кустарником кофе, который издавна имелся на континенте, но до сих пор не употреблялся по назначению. По некоторым данным, на крайнем юго-западе

царства Эльси и какао имелось.

Конечно, святая обязанность каждого – это убивать людоедов с кречи и стремиться к тотальному уничтожению империи Гадуни как таковой. Тем более что я клялся страшными клятвами бороться с этими аспидами рода человеческого до конца своей жизни. Но тут имелось сразу два фактора, которые позволяли моей совести не мешать разуму согласиться с оседлой, можно сказать, гражданской жизнью. Первый – я со своим другом все-таки уничтожил такое количество этих гадов, что можно позволить себе сделать солидный перерыв. Ну и второй фактор: как человек развитой цивилизации, я прекрасно понимал, что правильное функционирование экономики этого мира гораздо скорее приведет к истреблению главных врагов человечества. Став миллионером, не обязательно даже комплектовать полки арбалетчиков. Достаточно будет создать вот такие пики со стреляющими лезвиями, вооружить этим оружием армию вторжения, и тогда зроакам не поможет даже их легендарное пятикратное увеличение сил при защите своей империи. Окончательный перелом в противостоянии будет обеспечен раз и навсегда.

Понятно, что для этого придется и некое подобие экспериментального литейного заводика построить и при этом постараться обойти странные запреты Сияющего кургана. Но там видно будет. Как говаривала моя покойная, но все равно жутко любимая бабушка Марфа: «Даже на самом длинном пути самое главное – первый шаг!»

Мои размышления прервались досадливым восклицанием патриарха:

– Никак понять не могу! – Он уже вспотел, еще больше раскраснелся, вращая тяжеленную доску. И пальцами он ее щупал, и своими умениями трехщитного просматривал каждую металлическую деталь, пожалуй, только на зуб не пробовал, но самого главного уловить не мог. – Куда лезвия вставляются – понял. Что их толкает – догадался. Но вот почему с такой скоростью? Ведь даже сильный человек не может с двух метров, в упор метнуть нож настолько мощно, чтобы тяжеленный рыцарь был выбит ударом из седла, а его доспехи оказались проломлены так легко, словно сделаны из плотной бумаги.

Объяснять про высокие технологии изготовления рессорной стали было и вредно, и бессмысленно. Поэтому я отделался расплывчатыми объяснениями:

– Модели экспериментальные, особо секретные и сделаны так потому, что…

После чего многозначительно замолк, тыча указательным пальцем в небо и делая круглые глаза. Так как меня дедуля не понял, я уже большим пальцем показал на восток, а другой рукой изобразил выступающую челюсть зроака. Все-таки людоеды именно этим и отличались в первую очередь от нормального человека. То есть строением головы и несколько утолщенной шеей. Челюсти, широкие, выдвинутые вперед и с огромными, торчащими наружу клыками, пожалуй, могли принадлежать орангутангу. Ну и нос у людоедов никак не вписывался в понятие «картошка», скорее расплющенная свекла с двумя дырищами. Уши очень маленькие, под вьющимися волосами заметить трудно, а вот уже все остальное вполне походило на человеческие органы. Но из-за расширенных челюстей голова получалась треугольной, заостренной к макушке, и сразу выдавала в неприятном существе представителя совершенно отличного от человеческого вида.

То есть аспидов так и обозначали языком жестов: либо выступающая челюсть, либо ладони домиком надо лбом, изображающие треугольник.

Ястреб Фрейни меня понял прекрасно:

– Опасаешься, что, пытая меня, секрет могут узнать зроаки?

– Вроде этого.

– Из меня секретов вырвать нельзя. Трехщитного бесполезно запугивать болью, и он сам может умереть по собственному желанию. А вот оружейники и кузнецы зроаков могут и сотворить подобное оружие, имея образец перед глазами.

Я хмыкнул с сарказмом:

– И сделать точно такие же пружины?

Патриарх еще раз озадаченно потрогал спиральную пружину, которую даже трехщитному, пусть и престарелому, не удалось согнуть и на миллиметр.

– М-да, невероятная по упругости сталь. Даже просматривая ее структуру, невозможно понять секрет ее изготовления.

– Вот именно! Так что главная тайна этого оружия – в пружинах, невероятных по силе, крепости, долговечности.

– И тебе ведом секрет их изготовления? – с напряжением выпытывал старец.

– Нет, пружины мне дал отец, – не соврал я ни капельки. – Мы лишь проводим испытание нового оружия и попутно хотим забрать домой трех девушек из нашего рода.

Мой собеседник не сомневался в моей правдивости, но беспокойство его не улеглось:

– И ты осознаешь, насколько мощным, полезным это оружие может стать в борьбе со зроаками?

– Осознаю прекрасно. И сразу, чтобы уже больше не возвращаться к этому вопросу, намекну: вполне возможно, что не за горами то время, когда в Гадуни двинется целая армия, вооруженная подобными пиками. Причем пиками усовершенствованными, более легкими и более смертоносными.

После чего патриарх успокоился окончательно: страшное оружие зроаки в любом случае произвести не смогут. А значит, следует переходить к обучению. Тем более оказалось, что на столе из угощения уже ничегошеньки не осталось, я умудрялся и беседу вести, и желудок плотно заполнять. Совесть тоже сытно придремала, так что укоров с ее стороны по поводу оставшихся голодными монахов я не услышал. Зато сам весьма усердно стал выслушивать лекцию по магической боевой тематике.

В принципе, само создание мягуна не являлось чем-то архисложным или жутко таинственным. Только и следовало, что «ментальным захватом взять у себя в районе крестца должную толику накопленной энергии, приподнимая все это, пронести через сердце для окраски в розовый цвет, а затем правой рукой вынуть из левого плеча. И сразу при этом бросить в противника. Чем быстрее, тем лучше. Иначе энергия опять начнет частично утекать обратно в тело, а частично в окружающее пространство. Все понятно?..»

Как тут было не понять!

Вот только ментальный захват получался лишь у обладателя Трех щитов. Раз!

Розовая краска вырабатывалась в сердечной мышце… лишь у обладателя Трех щитов. Два!

Вынуть мягун и удержать его для броска в ладони мог… лишь обладатель Трех щитов. Три!

Ну и еще несколько деталей… Четыре! Пять! Шесть!

Обманул меня дедуля с обучением! Наверняка все это легко можно было вычитать в конкретной книжонке-инструкции, продающейся в любой книжной лавке. О чем я, нисколько не стесняясь в выражениях и не скрывая своей досады, высказался вслух. После чего не попросил, а потребовал:

– Какой мне толк с того, чему я научусь лет через двадцать? Ты мне что-то сейчас дельное покажи! Чтобы я уже завтра мог хотя бы одного зроака магической силой прикончить, разорвать, выдавить глаза или оторвать пальцы на ладони. А? Знаешь такие секреты?

Помалкивающий Леня не выдержал и решил смягчить мои наглые наезды и несколько бестактное поведение:

– Силы много, а девать некуда.

– Я думаю, столько мяса съедать за раз… – почти беззвучно прошептал Ястреб себе под нос.

Но я расслышал каждое слово и обиделся:

– Зачем тогда угощали, если мяса жалко?

Дедуля рассмеялся:

– Молодец! Слух твой идеален и чуть ли не лучше моего. Что уже само по себе дело редкое, почти немыслимое. Ведь первый год обладатель первого щита получает некие преимущества в силе, ловкости и выносливости только при экстренных ситуациях. Когда его жизнь находится в опасности. В иных случаях ты должен быть таким же, как все.

– Логика понятна: раз я столько ем и так быстро расту, то я не такой, как все? Про мое умение сносно видеть в полной темноте и отличный слух уже не упоминаем.

– Именно! То есть обучать тебя чему-то все равно бессмысленно, а вот поведать тебе некоторые примеры из жизни уникальных носителей первых щитов я могу. Например, я знаю одного коллегу, который от переизбытка силы в твоем состоянии умел шевелить ушами. Кстати, и трехщитным он потом стал очень быстро, всего за двадцать девять лет.

– Чего-чего? – Мне показалось, что старец надо мной издевается. – На кой ляд мне такие умения? Я ведь не в балагане выступать собираюсь!

Тут же с ехидством отозвался мэтр циркового манежа:

– Да-а?! Помнится, когда-то ты не гнушался любой работой.

– Ой! – досадовал я. – Серьезный разговор идет, а вам все шуточки шутить. Что стар, что млад – никакой сознательности.

Ястреб Фрейни подвигал своими почти бесцветными бровями:

– Шуточки? Да ты просто недослушал: умение шевелить ушами… любого иного человека, зроака или кречи.

Почему-то я непроизвольно вздрогнул, переглянулся с точно так же недоумевающим товарищем и только после этого бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В мире, где происходит действие романа, время измеряется в следующих величинах: кар – один час; сутки – двадцать каров; рудня – неделя, пять суток; восемь рудней – лутень, или месяц по земным понятиям; десять лутеней – год.

2

Клайдены, зуавы, барессы – виконты, графы, маркизы.

3

Поцарники – принцы.

Купить: https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/stat-pobeditelem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити